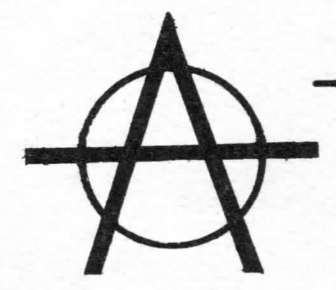
Власть народам, а не партиям!

№2
1990 г.

ПУТЬ К СВОБОДЕ

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ АНАРХИСТОВ И ЛЕВЫХ ДЕМОКРАТОВ

П.А. КРОПОТКИН

АНАРХИЯ

ЕЕ ФИЛОСОФИЯ, ЕЕ ИДЕАЛ

(перевод с французского)

Лейпциг – С.–Петербург. 1906 год

Не без некоторых колебаний решился я избрать предметом настоящей лекции философию и идеал анархизма. Многие до сих пор еще думают, что анархизм есть ничто иное, как ряд мечтаний о будущем, или бессознательное стремление к разрушению всей существующей цивилизации. Этот предрассудок привит нам нашим воспитанием, и для его устранения необходимо более подробное освещение вопроса, чем то, которое возможно в одной лекции. В самом деле – давно ли – всего несколько лет тому назад – в парижских газетах пресерьезно утверждалось, что единственная философия анархистов – разрушение, а единственный его аргумент – насилие.

Тем не менее, об анархистах так много говорилось, что некоторая часть публики стала, наконец, знакомиться с нашими теориями, обсуждать их, иногда даже давая себе труд подумать над ними; и в настоящую минуту мы можем считать, что одержали победу по крайней мере в одном пункте: теперь уже часто признают, что у анархиста есть некий идеал – идеал, который находят даже слишком высоким и прекрасным, не состоящего из одних избранных.

Но не будет ли с моей стороны слишком смелым говорить о философии в той области, где, по мнению наших критиков, нет ничего, кроме туманных видений отдаленного будущего? Может ли анархизм претендовать на философию, когда ее не признают за социализм вообще?

Я постараюсь ответить на этот вопрос по возможности ясно и точно, причем заранее извиняюсь перед вами в том, что некоторые из примеров, которыми я воспользуюсь, заимствованы из одной лекции, прочитанной мной в Лондоне. Но эти примеры, мне кажется, лучше помогут выяснить, что нужно подразумевать под философией анархизма.

Вы, конечно, не посетуете на меня, если я, прежде всего, возьму несколько примеров из области естествознания. Я нисколько не имею при этом в виду принять их за основу для наших общественных воззрений – далеко нет; я просто думаю, что они помогут мне выяснить некоторые отношения, которые легче понять на явлениях, принадлежащих в области точных наук, чем на примерах, почерпнутых исключительно из сложных фактов жизни человеческих обществ.

Что больше всего поражает нас в настоящее время в этих науках, это – та глубокая перемена, которая происходит в последние годы во всем их способе понимания и истолкования природы.

Вы знаете, что было время, когда человек считал себя центром вселенной. Солнце, луна, планеты и звезды казались ему вращающимися вокруг нашей планеты, а эта планета, на которой он жил сам, – центром творения. Сам же он являлся в своих собственных глазах высшим существом своей планеты, избранником творца. И солнце, и луна, и звезды существовали для него одного; на него было обращено все внимание бога, который наблюдал за малейшими его поступками, останавливал для него движение солнца, парил в облаках и посылал на поля и города дождь и грозу в награду за добродетели или в наказание за преступления жителей. В течение целых тысячелетий человек представлял себе вселенную именно такми образом.

Но в шестнадцатом веке, когда было доказано, что земля не только центр вселенной, но не более как песчинка в солнечной системе, не более как шар, гораздо меньший по величине, чем многие другие планеты, что само солнце – это громадное светило по сравнению с нашей землей – есть не более, как одна из тех бесчисленных звезд, которые мы видим светящимися на небе и составляющими своей массой млечный путь – в миросорезцании людей прошла, как вы знаете, огромная перемена. Каким ничтожным показался тогда человек в сравнении с этой бесконечностью, какими смешными показались его претензии! Изменение космогонических взглядов отразилось на всей философии, на всех общественных и религиозных взлядах того времени. Лишь с той поры начинается то развитие общественных наук, которым так гордимся мы теперь.

В настоящее время, однако, во всех отраслях науки происходит еще более глубокая и еще более существенная перемена; и анархизм представляет собой, как вы увидите, не что иное, как одно из многочисленных проявлений этой эволюции, как одну из отраслей этой новой, нарождающейся философии.

(Далее до ст.9 Кропоткин излагает общефилософские воззрения; тем, кто интересуется только анархизмом, лучше продолжить чтение со стр. 3-4)

***

Возьмите любое сочинение по астрономии конца прошлого или начала нынешнего века. Само собой разумеется, что вы не встретите там утверждения, что наша планета занимает центр вселенной; но зато вы найдете на каждом шагу представление о громадном светиле – Солнце – управляющем посредством силы притяжения всем нашим планетным миром. От этого центрального светила исходит сила, направляющая движение его спутников и поддерживающая гармонию всей системы. Планеты родятся из некоторой центральной массы, представляя собой, так сказать, не более как продукт ее почкования. И этой центральной массе, ме-

сто которой заступило теперь наше лучезарное солнце, они обязаны всем: ритмом своих движений, своими искусно расположенными орбитами, жизнью, оживляющей и украшающей их поверхность.

Если какие-нибудь причины стремятся нарушить их течение, заставить их уклониться от своих орбит, центральное светило восстанавливает порядок в системе, охраняя его и обеспечивая таким образом на веки ее существования.

И вот, это-то миросозерцание исчезнет в свою очередь, как исчезло старое. Астроном, сосредоточивший раньше свое внимание на солнце и крупных планетах, обращается теперь к изучению малых, населяющих вселенную. Он видит, что межпланетные и межзвездные пространства заполнены всюду мелкими скоплениями вещества – невидимыми и ничтожными, если рассматривать их в отдельности, но всемогущими по своей численности. Из этих скоплений одни довольно велики – как например тот болид, который еще не так давно распространил ужас в Испании; другие, наоборот, весят не более нескольких лотов и золотников, а вокруг них носятся еще более мелкие, почти микроскопические пылинки и газы, заполняющие собой все пространство.

И именно в этих пылинках, в этих бесконечно-малых несущихся в пространстве по всем направлениям с громадной скоростью, сталкивающихся, сливающихся и распадающихся повсюду и постоянно, именно в них ищет современный астроном объяснения как происхождения нашей системы – солнца, планет и их спутников, – так и движений, свойственных этим различным телам и гармонии во всей солнечной системе. Еще один шаг – и само всемирное тяготение окажется не более, как равнодействующей беспорядочных и бессвязных движений этих бесконечно-малых колебаний атомов, происходящих по всевозможным направлениям.

Таким образом, центр силы, перенесенный раньше с земли на солнце, оказывается теперь раздробленным, рассеянным повсюду: он везде и, вместе с тем, нигде. Мы видим, вместе с астрономом, что солнечные системы суть не более, как продукт сложения бесконечно-малых; что сила, которую рассматривали прежде, как управляющую всей системой, есть, может быть, сама не более как равнодействующая столкновения этих бесконечно-малых; что гармония звездных систем – гармония только потому, что она представляет собой известное приспособление, известную равнодействующую этих бесчисленных движений, слагающихся, заполняющих и уравновешивающих друг друга.

Вся вселенная принимает при этом новом миросозерцании иной вид. Представление о силе, управляющей миром, о предустановленном законе и предустановленной гармонии, которую отчасти предвидел Фурье и которая есть ничто иное, как равнодействующая движений бесчисленных скоплений вещества, двигающихся независимо одно от другого и взаимно поддерживающих друг друга в равновесии.

* * *

И не в одной астрономии происходит такая перемена. То же самое мы видим в философии всех наук без исключения, как тех, которые занимаются природой, так и тех, которые имеют дело с человеком.

В физике исчезают отвлеченные представления о теплоте, магнетизме, электричестве. Когда в настоящее время физик говорит о нагретом или наэлектризованном теле, оно уже не представляется ему в виде безжизненной массы, в которой прилагается неведомая сила. Он старается открыть как в этом теле, так и в окружающем его пространстве движения и колебания бесконечно-малых атомов, двигающихся по всем направлениям, колеблющихся, живущих и производящих своим колебаниями, своими столкновениями, своей жизнью, все явления теплоты, света, магнетизма или электричества.

В науках, изучающих живые существа, постепенно исчезает понятие о виде и его изменениях, и его место занимает понятие об индивидууме, особи. Ботаник и зоолог изучают индивидуум – его жизнь, его приспособление в отдельных особях сухостью или сыростью воздуха, теплом или холодом, обилием или недостатком пищи, большей или меньшей чувствительностью к влияниям окружающей среды, ведут к образованию видов. Изменение вида представляет теперь собой для биолога нечто иное, как равнодействующую, как сумму изменений, происшедших в каждом индивидууме в отдельности. То, каков вид, зависит от того, каковы составляющие его индивидуумы, испытывающие на себе бесчисленные влияния окружающей среды и реагирующие на эти влияния каждый по своему.

Точно также, когда физиолог говорит о жизни какого-нибудь растения или животного, он имеет в виду скорее некоторую агломерацию, состоящую из миллионов отдельных индивидуумов, чем единую и нераздельную особь. Он говорит о федерации пищеварительных органов, органов чувств, нервной системы и т.д. – органов, очень тесно связанных между собой, отражающих на себе хорошее или дурное состояние каждого из них, но, тем не менее, живущих каждый своей особой жизнью. В свою очередь, всякий орган, всякая его часть состоит из независимых клеток, соединяющихся друг с другом для борьбы с неблагоприятными для их существования условиями. Каждый индивидуум представляет собой целый мир федераций, заключает в себе целый космос.

В этом мире физиолог находит независимые клетки крови различных тканей, нервных центров; находит миллиарды белых телец – фагоцитов для борьбы с этими врагами. Мало того: в каждой микроскопической клетке он видит теперь целый мир независимых элементов, из которых каждый живет своей жизнью, стремится к своему благу и достигает его, группируясь и соединяясь с другими элементами. Каждый индивидуум, одним словом, представляет собой мир органов, каждый орган – целый мир клеток, каждая клетка – мир бесконечно-малых, и в этом сложном мире благосостояние целого зависит от размеров благосостояния, которыми пользуются мельчайшие микроскопические частицы организованного вещества. Целый переворот происходит таким образом в философии.

* * *

Но особенно важны следствия этого переворота в области психологии.

Еще совсем недавно психолог говорил о человеке, как о едином и нераздельном целом. Согласно религиоз-

ной традиции, он делит людей на добрых и злых , умных и глупых, эгоистов и альтруистов. Представление о душе, как целом, даже существовало еще у материалистов ХУШ века.

Но что сказали бы в наше время ученые, если бы психолог заговорил теперь о чем-нибудь подобном? Человек представляет собой теперь для психолога множество отдельных способностей, множество независимых стремлений, равных между собой, функционирующих независимо друг от друга, постоянно уравновешивающих друг друга, постоянно находящихся в противоречии между собой. Взятый в целом, человек представляется современному психологу, как вечно изменяющаяся равнодействующая всех этих разнообразных способностей, этих независимых стремлений мозговых центров и нервных центров. Все они связаны между собой и влияют друг на друга, но каждый и каждая из них живет своей независимой жизнью, не подчиняясь никакому центральному органу, никакой душе.

* * *

Мне нет необходимости входить в дальнейшие подробности: сказанного достаточно, чтобы показать, какое глубокое изменение происходит в настоящее время в области естественных наук. Изменение это заключается не в том, что они изучают теперь такие подробности, которыми пренебрегали раньше. Далеко нет: факты остаются те же, но изменяется сам способ их понимания Чтобы охарактеризовать их в немногих словах,это новое направление, мы можем сказать, что прежде наука занималась изучением крупных результатов и крупных сумм (математик сказал бы: интегралов), тогда как теперь она изучает главным образом бесконечно-малые величины - т.е. тех индивидуумов, из которых составляются эти суммы и в которых ученый увидел, наконец, элементы самостоятельные, индивидуализированные, но, в то же время, тесно связанные между собой.

Что же касается до гармонии, которую человеческий ум находит в природе и которая есть в сущности не что иное, как проявление известного постоянства явлений, то, несомненно, современный ученый признает ее в настоящее время больше, чем когда бы то ни было; но он уже не стремится объяснить ее действием "законов", созданных по определенному плану, предустановленных какой-то разумной волей.

То, что называлось прежде "естественным законом" представляется нам не более, как улавливаемым нами отношением между естественными явлениями; каждый такой "закон" получает теперь условную форму причинности, т.е.: "если при таких-то условиях произойдет такое-то явление, то за ним последует другое, такое-то явление". Вне явлений нет закона; каждое явление управляет не законом, а тем явлением, которое ему предшествовало.

В том, что мы называем гармонией природы, не проявляется никакая предвзятая мысль; для ее установления достаточно было случайных столкновений и сочетаний. Одно явление, например, будет существовать в продолжении целых веков, потому что для установления той приспособленности к условиям, того равновесия , которое оно выражает, потребовались века; другое явление просуществует лишь одно мгновение, потому что эта временная форма равновесия возникла мгновенно. Если планеты нашей солнечной системы не сталкиваются ежедневно и не разбиваются друг о друга, а существуют в продолжении миллионов веков, то это зависит от того, что они представляют собой такую форму равновесия, на установление которой, как равнодействующей целых миллионов слепых сил, потребовались миллионы веков. Если материки не подвергаются ежегодно разрушению вследствие вулканических сотрясений, то причина этого в том, что тысячи веков понадобилось им чтобы воздвигнуться частице за частицей и принять настоящую свою форму. Напротив того, молния длится одно мгновение, что представляет собой минутное нарушение равновесия и внезапное перераспределение еще не уравновешенных сил.

Таким образом,гармония в природе является для нас временным равновесием, устанавливающимся между различными силами - некоторым временным приспособлением, которое может существовать лишь при условии постоянного видоизменения, представляет собой в каждый данный момент равнодействующую всех противоположных сил. Стоит только одной из этих сил оказаться стесненной на время в своем действии, и гармония исчезнет. Способность к действию будет тогда накопляться в данной силе и рано или поздно должна будет проявиться, должна будет обнаружиться . Если другие силы будут ей противодействовать, она все-таки не исчезнет, а нарушит, в конце концов,равновесие и разрушит гармонию, чтобы найти новое равновесие, новую форму приспособления. Так бывает в вулканических извержениях, когда заключенная внутри сила пробивает, наконец, застывшую лаву, которая мешает выходу газов раскаленной лавы и раскаленного пепла. Так бывает и в революциях.

* * *

Аналогичное изменение в методах мышления совершается в то же время и в науках, занимающихся человеком.

Мы видим, например, что история,бывшая когда-то историй царств, стремится сделаться историей народов и изучением личностей. Историк стремится узнать как жили в данную эпоху члены той или другой нации, каковы были их верования, какой общественный идеал рисовался в их воображении, какими средствами они обладали для его достижения. Именно действие этих сил, прежде оставлявшихся без внимания, даст ключ к истолкованию великих исторических явлений.

Точно также ученый, занимающийся правом, уже не довольствуется изучением того или иного свода законов. Подобно этнологу, он стремится отыскать зарождение последовательного ряда учреждений - стремится проследить их развитие в течение ряда веков, причем занимается нестолько писаным законом, сколько местными обычаями, тем "обычным правом", в котором все эпохи находило себе выражение созидательное творчество,творчество безвестных народных масс. В этом направлении вырабатывается теперь совершенно новая отрасль науки, которая разрушит со временем все существующие понятия, внушаемые нам в школе, и объяснит историю таким же образом, как естественные науки объясняют природу.

Наконец, политическая экономия, бывшая в начале своего существования изучением богатств народов

становится теперь изучением богатств личностей. Она интересуется не столько тем, ведет ли данная нация крупную внешнюю торговлю, сколько тем, есть ли достаточно хлеба в хижине крестьянина и рабочего? Она стучится во все двери - в дворцы и в трущобы - спрашивая как у богатого, так и у бедного: "в какой степени удовлетворены ваши потребности в необходимом и в предметах роскоши?" И, убедившись, что у девяти десятых человечества не удовлетворены даже самые настоятельные потребности, она ставит себе тот же вопрос, который поставил бы себе физиолог, изучающий какое-нибудь животное или растение, а именно: "Каким путем возможно удовлетворить потребности всех с наименьшей тратой сил? Каким образом может общество обеспечить каждому, а следовательно, и всем наибольшую сумму благосостояния и счастья?" В этом направлении происходит изменение экономической науки, которая так долго была простым перечислением явлений, истолкованным в интересах меньшинства богатых, а теперь стремится сделаться (или вернее вырабатывает нужные для этого элементы) наукой в настоящем смысле этого слова, т.е. физиологией человеческого общества.

ж ж ж

...По мере того, как в науке вырабатывается, таким образом, новая общая точка зрения, новая философия, мы видим, что понятие об обществе становится совершенно иным, чем оно было до сих пор. Под именем анархизма возникает новый способ понимания прошедшей и настоящей жизни обществ и новый взгляд на их будущее; причем и то и другое проникнуто тем же духом, о котором мы говорили только что по поводу изучения природы. Анархизм является, таким образом, одной из составных частей нового миросозерцания, и вот почему анархист имеет так много точек соприкосновения с величайшими мыслителями и поэтами нашего времени.

В самом деле: по мере того, как человеческий ум освобождается от понятий, внушенных ему меньшинством, стремящимся упрочить свое господство и состоящим из духовенства, войска, судебных властей и ученых, оплачиваемых за свое старание увековечить это господство, по мере того, как он сбрасывает с себя путы, наложенные на него рабским прошлым - вырабатывается новое понятие об обществе, в котором уже нет места такому меньшинству. Перед нами рисуется уже общество, овладевающее всем общественным капиталом, накопленным трудом предыдущих поколений и организующееся так, чтобы употребить этот капитал на пользу всех, не создавая вновь господствующего меньшинства. В это общество входит бесконечное разнообразие личных способностей, темпераментов и сил, оно никого не исключает из своей среды. Оно даже желает борьбы этих разнообразных сил, так как оно сознает, что эпохи, когда существования разногласия обсуждались свободно и свободно боролись, когда никакая установленная власть не давила на одну из чашек весов, были всегда эпохами величайшего развития человечества.

Признавая за всеми членами одинаковое количество права на все сокровища, накопленные прошлым, это общество не делает деления на эксплуатируемых и эксплуататоров, управляемых и управляющих, подчиненных и господствующих, а стремится установить в своей среде известное гармоническое равновесие - не посредством подчинения всех членов какой-нибудь власти, которая считалась бы представительницей всего общества, не попытками установить единообразие, а путем призыва людей к свободному развитию, к свободному почину, к свободной деятельности, к свободному объединению.

Такое общество непременно стремится к наиболее полному развитию личности, вместе с наибольшим развитием добровольных союзов - во всех их формах, во всевозможных степенях, со всевозможными целями - союзов постоянно видоизменяющихся, носящих в самих себе элементы своей продолжительности и принимающих в каждый данный момент те формы, которые лучше всего соответствуют разнообразным стремлениям всех. Это общество отвергает всякую предустановленную форму, окаменевшую под видом закона; оно ищет гармонию в постоянно-изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует по своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности свободно проявляться и взаимно уравновешиваться, и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять всю свою энергию в этом направлении.

Такое представление об обществе и такой общественный идеал, несомненно, не новы. Изучая историю народных учреждений - родного строя, деревенской общины, первоначального ремесленного союза, или "гильдий" и даже средневекового городского народоправства в первые времена его существования, мы находим повсюду стремление народа к созданию обществ именно этого характера - стремление, которому, конечно, всегда препятствовало господствовавшее меньшинство. Все народные движения носят на себе более или менее этот отпечаток; так у анабистов и их предшественников мы находим ясное выражение этих самых идей несмотря на религиозный способ выражения, свойственный тому времени. К несчастью, до конца прошлого века к этому идеалу примешивался всегда церковный элемент, и только теперь он освободился от религиозной оболочки и превратился в понятие об анархическом обществе, основанное на изучении общественных явлений.

Только теперь идеал такого общества, где каждым управляет исключительно его собственная воля (которая есть, несомненно, результат испытываемых каждым индивидуумом общественных влияний), только теперь этот идеал является одновременно в своей экономической, политической и нравственной форме, опираясь на необходимость коммунизма, который в силу чисто общественного характера нашего производства становится неизбежным для современных обществ.

ж ж ж

В самом деле, мы очень хорошо знаем теперь, что пока существует экономическое рабство, нечего толковать о свободе. Слова поэта:

"Не говори мне о свободе:
Бедняк останется рабом!"

теперь уже проникли в умы рабочих масс, во всю литературу нашего времени; они подчиняют себе даже тех, кто живет чужой бедностью, лишая их той само-

уверенности, с которой они заявляли прежде о своем праве на эксплуатацию других.

Что современная форма присвоения общественного капитала не должна существовать - в этом согласны миллионы социалистов старого и нового света. Даже сами капиталисты чувствуют, что эта форма умирает, и уже не решаются защищать ее с прежней смелостью. Вся их аргументация сводится уже, в конце концов, к тому, что мы не придумали еще ничего лучшего. Но ни отрицать гибельных последствий существующих форм собственности, ни защищать свое право на нее они уже не решаются. Они пользуются этим правом, пока им это позволяют, но не стремятся уже основать его на каком-нибудь принципе.

И это вполне понятно. Возьмите, например, Париж - город, представляющий собой творчество стольких веков, продукт гения целой нации, результат труда двадцати или тридцати поколений. Можно ли уверить жителей этого города, постоянной работающих для его украшения, для его оздоровления, для его прокормления, для доставления ему лучших произведений человеческого гения, для того, чтобы сделать из него центр мысли и искусства, можно ли уверить того, кто создает все это, что дворцы, украшающие улицы Парижа, принадлежат по справедливости тем, кто является в настоящее время их собственниками, в то время как вся ценность создается нами всеми и без нас равнялась бы нулю.

Усилиями ловких воспитателей народа этот обман может еще поддерживаться некоторое время. Над ним могут не задумываться сами рабочие массы. Но как только меньшинство мыслящих людей подняло и поставило перед всеми этот вопрос, в ответе на него уже не может быть сомнения, и народный ум отвечает: "Конечно, если отдельные люди присвоили себе лично все эти богатства, то - только ограбивши всех!"

Точно так же, можно ли убедить крестьянина в том, что та или другая земля, принадлежащая помещику, принадлежит ему по законному праву, когда этот крестьянин может рассказать историю каждого кусочка земли на двадцать верст в окружности? Можно ли, наконец, убедить его в том, что лучше, чтобы такая-то земля была под парком или усадьбой, которые с радостью взялись бы ее пахать?

Возможно ли, наконец, заставить заводского рабочего или рудокопа поверить тому, что завод или копи принадлежат по истинной справедливости их теперешним хозяевам, тогда как рабочий и рудокоп уже начинают понимать смысл всех этих громадных грабежей и захватов железных дорог и угольных копей и узнают понемногу, какими путями законного грабежа богатые господа забирают земли и заводы.

Да и верили ли в сущности когда-нибудь народные массы во все эти увертки экономистов, старавшихся нестолько убедить рабочих, сколько уверить самих богачей в законности их захватов. Подавленные нуждой и не находя себе никакой поддержки в обеспеченных классах общества, крестьяне и рабочие просто предоставляли вещи их собственному течению, лишь от времени до времени заявляя о своих правах восстаниями. И если городские рабочие могли еще когда-то думать, что придет время, когда частное владение капиталом послужит, может быть, к общей пользе, накопляя массы богатств и делясь ими со всеми, то теперь его заблуждение исчезает, как многие другие. Рабочий начинает убеждаться, что он как был, так и остался обездоленным; что для того, чтобы вырвать у своих хозяев хотя бы малейшую частицу накопленных его усилиями богатств, ему приходится прибегать либо к бунту, либо к стачке - т.е. голодать и рисковать тюрьмой, а не то попасть под пули императорских, королевских или республиканских войск.

Вместе с тем появляется все яснее и яснее еще и другой, более глубокий, недостаток существующего порядка. Он заключается в том, что при существовании частной собственности, когда все предметы, нужные для жизни и производства - земля, жилища, пищевые продукты, орудия труда находятся в руках немногих - эти немногие постоянно мешают выращивать хлеб, строить дома, ткать и вообще - производить всего столько, сколько нужно, чтобы доставить достаток каждому. Рабочий смутно создает, что наша техника, наши машины, настолько могущественны, что могли бы доставить всем всего вволю, но что капиталисты и государство мешают этому повсюду. С сытыми труднее справляться, чем с голодными.

Мы не только не производим хлеба, всякой пищи и всякого платья, и всего прочего больше, чем нужно, чтобы всем хватило вдоволь; но мы далеко не производим того, что обязательно необходимо.

В современных государствах, когда крестьянин смотрит на помещичьи недоработанные поля, на их усадьбы и сады, охраняемые судьями и урядниками, он отлично понимает это; недаром он думает о том, как хорошо было бы распахать эти пустыри и выращивать на них хлеб, которого не хватает по деревням.

Когда углекопу приходится сидеть три дня в неделю сложа руки - а в Англии это делается постоянно, как только цены на каменный уголь начинают падать - он думает о том, сколько угля он мог бы добыть и как хорошо было бы, если бы каждой семье было бы чем топить печь.

Точно также, когда на заводе нет работы и рабочему приходится слоняться без дела и он встречает каменщиков, тоже слоняющихся без работы, сапожников, жалующихся на безработицу, и т.д. - он отлично понимает, что в обществе что-то не ладно. Он знает, что столько народа живет в самых отчаянных трущебах, что ребятишки ходят босиком - и что все это нужно рабочему. Да только кто-то мешает людям все это строить и делать, и все это для того, чтобы трущебу сдать за дорогую цену, а голодного рабочего загнать на фабрику за самое скудное жалованье.

Когда господа ученые пишут толстые книги о том, что слишком много вырастили хлеба и наткали миткалей, и объясняют именно этой причиной плохие времена на фабриках, они, в сущности, очень затруднились бы ответом, если бы мы их попросили назвать - чего это в Англии, во Франции, в Германии или в России так уж много, что его уже и делать нечего. Сколько хлеба везут каждый год из России, а между тем известно, что если бы весь хлеб, выращенный в России, оставался в самой России - весь как есть - то и тогда его было бы круглым счетом всего по 10 пудов на душу в год, т.е. ровно столько, сколько нужно, чтобы никто не голодал. Леса что ли много, когда пол-России живет так тесно в избах, что по десяти человек спят в одной комнате? Или домов слишком много в го-

родах? Дворцов, точно, многовато, а квартир порядочных для рабочих - живет опять-таки по пяти и десяти человек в одной комнате. Или книг слишком много, когда целы миллионы людей живут не видя за год ни одной книги... Одного только действительно производится слишком много - в тысячу раз больше, чем сколько их нужно: это - чиновников. Этих, точно, фабрикуют слишком, слишком много; только об этом товаре что-то не пишут в ученых книгах. А между тем, чем не товар! Покупай, кто хочет!

То, что ученые называют "перепроизводством", есть, в сущности, то, что производится всякого товара больше, чем могут купить рабочие, разоряемые хозяином и государством. Так оно и быть должно при теперешнем устройстве потому, что как было замечено еще Прудоном, рабочие не могут одновременно покупать на свою заработную плату то, что они производят, и в то же время доставлять обильную пищу всей армии тунеядцев, которая сидит у них на шее.

По самой сущности экономического устройства, современного, рабочий никогда не сможет пользоваться теми благами, которые составляют продукт его труда; и число тех, которые живут за его счет, буде все увеличиваться. Чем развитее страна в промышленном отношении, тем большее это число, потому что европеец эксплуатирует при этом еще множество азиатов, африканцев и т.д. Вместе с тем, промышленность направляется и неизбежно должна направляться не на то, в чем чувствуется недостаток для удовлетворения потребностей всех, а на то, что в данную минуту может принести наиболее крупные барыши хозяевам. Избыток у богатых неизбежно строится на бедности рабочих, и это бедственное положение большинства необходимо для того, чтобы всегда были рабочие, готовые продать себя и работать, получая только часть того, что они способны заработать. Иначе капиталист и не мог бы богатеть. А ему только это и нужно.

Эти лличительные черты нашего экономического строя составляют самую сущность его. Без них он не мог бы существовать. Кто, в самом деле, стал бы продавать свою рабочую силу за цену меньшую, чем то, что она сможе выработать, если бы его на принуждали к тому страх голода? Но эти-то существенные обязательные черты нашего строя и заключают в себе самое решительное его осуждение.

* * *

До сих пор, пока Англия и Франция являлись первыми в промышленности среди других народов, отсталых в смысле технического развития, пока они могли продавать свои бумажные и шерстяные ткани, свои шелка, свое железо, свои машины, а также целый рад предметов роскоши по таким ценам, которые давали им возможность обогащаться на счет своих покупателей - до тех пор можно было поддерживать в рабочем ложную надежду на то, что и ему достанется когда-нибудь более или менее крупная часть добычи. Но теперь эти условия исчезают. Народы, бывшие отсталыми тридцать лет тому назад, стали в свою очередь производить в крупных размерах бумажные и шерстяные ткани, шелка, машины и предметы роскоши. В некоторых отраслях промышленности они обгнали даже англичан и французов и, не говоря уже о торговле в отдаленных странах где они вступают в соперничество во своими старшими братьями, они начинают уже соперничать с ними и на их собственных рынках. За последнее время Германия Швейцария, Италия Соединенные Штаты, Австрия, Россия и Япония сделались странами крупной промышленности За ними идут Мексика, Индия даже Сербия; что же будет, когда и китайцы начнут подражать японцам и также начнут наводнять всемирный рынок своими ситцами, шелками, железом и машинами?

Оттого промышленные кризисы, т.е. времена застоя, приходят все чаще и длятся больше, а в некоторых отраслях производства становятся чуть ли не постоянными. Оттого также европейцам все более и более приходится воевать из-за рынков на востоке и в Африке, и оттого европейская война, т.е. драка европейцев из-за рынков, не переставая висит угрозой над головами всех европейских народов, разоряя их своим вооружением. Если до сих пор эта война еще н не разразилась, то это зависит, может быть, только от того, что крупным финансистам (которые торгуют деньгами) выгодно, чтобы государства лезли все дальше и дальше в долги. Но если только эти ростовщики увидят выгоду в войне, то они и натравят толпы людей друг на друга и заставят их убивать друг друга, лишь бы финансовые цари могли тем временем богатеть.

В современном экономическом строе все тесно связано, все тесно переплетается между собой, и все ведет к неизбежному падению окружающей нас промышленной и торговой системы. Ее дальнейшая жизнь исключительно вопрос времени, и это время можно считать уже не веками и годами. Но если это только вопрос времени, то вместе с тем оно и вопрос нашей собственной энергии. Лентяи не создают историю: они пассивно терпят ее!

* * *

Вот почему во всех цивилизованных странах образуются такие значительные группы людей, энергически требующих возвращения обществу всех богатств, накопленных трудами предыдущих поколений. Обобществление земли, угольный копей, заводов и фабрик, жилых домов, средств передвижения и т.д. стало общим боевым кличем этих партий, и преследование - излюбленное средство богатых и правящих классов - уже не может предотвратить торжество восставшего ума. И если миллионы рабочих не двинулись еще до сих пор и не отняли силой у хищников землю и заводы, то только потому, что они ждут удобной минуты - вроде той которая представилась в 1848 году, - чтобы броситься на разрушение существующего строя, встречая повсюду поддержку со стороны международного движения.

Такой момент не замедлит представиться. С 1872 года, т.е. с того времени, как Международный Союз рабочих был разгромлен правительствами - и даже в оообенности с того времени - идея международной связи между рабочими сделала громадные успехи - успехи, в которых даже самые сторонники Международного Союза никогда не отдают себе отчета. Связь установилась на деле, в мыслях, в чувствах, в постоянных международных сношениях, в то время как плутократия - английская, французская, немецкая, русская - постоянно враждует между собой и

может довести Европу до вооруженного столкновения. Несомненно одно: в тот день, когда во Франции сно ва будут провозглашены коммуны и начнется социаль ная революция, Франция снова встретит у народов ми ра, в том числе у немецкого, итальянского, английского ту симпатию, которой она пользовалась у народов Европы в 1848 году и в 1793 году. И если Германия, которая, кстати сказать, ближе к республиканской революции, чем это думают, выкинет знамя этой революции – к сожалению, якобинской – и броси тся в движение со всем пылом, свойственным стране молодой и переживающей (как переживает теперь Германия) восходящий период своего развития, она встре тит во Франции полное сочувствие и поддержку со стороны народа, который умеет любить смелых револю ционеров всех наций и ненавидит высокомерную плуто кратию. Нечего и говорить, что если даже эти две враждующие нации сойдутся по-братски в момент рево люции, то всякое революционное движение в Италии, Испании, Австрии или России откликнется в сердцах рабочих всего мира.

Многие причины мешают до сих пор этому неизбеж ному революционному взрыву в Европе. До некоторой степени опасность войны не дает Франции выступить резко и поределенно на революционный путь и отвлекает ее внимание, направляя его на ложно-патриотическую дорогу. Но есть еще, мне кажется, другая, более глубокая причина, на которую я хотел бы обра тить ваше внимание. Многочисленные признаки указывают нам на то, что во взглядах самих социалистов происходит в настоящую минуту глубокая перемена , схожая с той, которую я наметил в начале, говоря о науке вообще. И непоределенность воззрения самих с социалистов насчет общественной организации, к которой следует стремиться, ослабляет до изветсной степени их энергию. При своем зарождении, в сороко вых годах, социализм является в форме поднациального коммунизма, в форме единой и нераздельной респу блики, диктатуры и правительства якобинцев, перене се ного на экономическую почву. Таков был идеал то го времени. И социалист тех годов, был ли он христианин или свободномыслящий) одинаково готов был подчиниться всякому сильному правительству, даже империи, лишь бы только оно взялось за перестройку экономических отношений в пользу рабочих.

Но за последние пятьдесят лет в умах произошло глубокое изменение, особенно среди латинских на родов и в Англии. Рабочие стали смотреть враждебно на правительственный и на церковный коммунизм,всле дствие чего и появилось в Международном Союзе рабочих новое направление – коллективизм. Коллективизмобозначал вначале коллективную, т.е. обществен ную собственность орудий труда (не считая однако п предметов, необходимых для жизни) и право каждой отдельной группы принимать для своих членов какой ей будет угодно способ распределения: коммунистиче ский или индивидуальный. Владеем мы, стало быть, фабрикой, землей, железной дорогой сообща и работа ем сообща артелями; но кажда артель вольна по своему распоряжаться тем, что она заработала: либо ус троиться общим хозяйством и жить сообща, либо дели ть свой заработок, как она сама рассудит лучше. Вот что тогда (в самом начале семидесятых годов)на зывалось коллективизмом, и по сию пору называется в Испании среди анархистов. Книга Гильома " Общий взгляд на социальную организацию" содержит прекра сное изложение этой системы, как она понималась то гда и проповедовалась анархистами, в противность государственному коммунизму, за которым стояли мар ксисты. Мало-по-малу французские социал-демократы переделали однако коллективизм в нечто вроде сделки между коммунизмом и государственным капитализмом(государство – главный капиталист); так что в настоящее время коллективисты стремятся к общей со бственности на все то, что служит для производства но хотят в то же время, чтобы каждый получал возна граждение за свой труд – смотря по тому, сколько часов он проработал – в виде чеков или расписок , где напечатано :" пять, десять двадцать часов труда". На эти чеки можно будет покупать в общественных магазинах все товары, которые в свою очередь будут тоже расцениваться по количеству часов,ско лько потребно, чтобы выработать всякий товар.Так, например, если на то, чтобы вырастить сто четвертей ржи нужно, скажем, проработать (средним числом четыреста часов, то четверть ржи будет стоить четы ре часа; пуд каменного углч обойдется, примерно, по лчаса; а фунт мыла будет стоить, скажем, пять минут.

Если подумать хорошенько, то коллективизм сводится, в сущности, к следующему:

частный (неполный) коммунизм по отношению к средствам производства и к воспитанию, и в то же время конкуренция между личностями и группами изза хлеба, жилищ, одежды;

индивидуализм по отношению к произведениям человеческого ума и произведениям искусства;

и, наконец, как поправка неудобств этой системы – общественная помощь детям, больным и старикам

Одним словом, мы видим здесь ту же борьбу за существование, лишь несколько смягченную благотворительностью, т.е. все то же применение церковного правила :"сначала изрань людей, а затем лечи их" , и все тот же простор для полицейского сыска с целью – нужно ли предоставить каждое лицо в борьбе за су ществование самому себе или же ему должна быть ока зана государственная помощь.

Идея чеков, как вы знаете, не нова: ее применял еще Роберт Оуэн, а потом Прудон. Теперь она получи ла новое название – "научного социализма".

Нужно, однако, заметить, что эта теория плохо прививается к народным массам, которые точно предчувствуют ее неудобства, чтобы не сказать всю ее неосуществимость.

Во-первых, время, употребленное на какой-нибу дь труд, еще не дает мерила общественной полезнос ти труда и все теории ценности – от Адама Смита до Маркса – пытавшие основываться только на стоимо сти производства, высчитанной в затраченном труде, не могли до сих пор разрешить вопроса о ценности. Раз только происходит обмен, ценность предмета ста новится сложной величиной, зависящей, главным обра зом, от того, в какой степени она удовлетворяет по требностям индивидуума, как прежде думали некото – рые политико-экономы, а всего общества, взятого в целом.

Ценность есть явление общественное. Будучи результатом обмена, она имеет двойственный характер,

представляя с одной стороны известное лишение, а с другой стороны известное удовлетворение; при чем и та, и другая сторона должны рассматриваться не как индивидуальное, а как общественное явление.

Затем, наблюдая недостатки современного экономического строя, мы видим – и рабочие это отлично понимают – что сущность его заключается в том, что рабочий поставлен в необходимость продавать свою рабочую силу. Не имея возможности прожить двух недель без работы, поставленный государством в невозможность воспользоваться своей силой и приложить ее к какому-нибудь полезному труду, не продавши ее барину, фабриканту или тому же государству, рабочий вынужден – силой, голодом – отказаться от тех выгод, которые мог бы принести его труд. Он отдает хозяину львиную долю того, что он вырастит или сработает; и при том он приносит в жертву свою свободу или даже право высказать свое мнение о полезности того, что он производит и о способе производства.

Накопление капитала зависит, таким образом, не от его способностей поглощать добавочную стоимость (само понятие о прибавочной стоимости уже включает недодачу, т.е. эксплуатацию), а от того, что рабочий поставлен в необходимость продавать свою рабочую силу, зная, очень хорошо, что он не получит всего того, что она производит: что его интересы и не будут соблюдены, что он станет по отношению к покупателю рабочей силы в положение низшее. Если бы этого не было, если бы миллионы обезземеленных и обездоленных рабочих не были вынуждены закабалять себя на невыгодных условиях, капиталист никогда не мог бы купить или нанять рабочую силу. Катковская партия крепостных и московских фабрикантов только о том и хлопочет, как бы обезземелить крестьян и обратить миллионы населения (вдесятеро больше, чем их нужно на все фабрики) в голодных обездоленных батраков, которых можно закабалить за грош*. Отсюда следует, что для перестройки существующего порядка нужно уничтожить самую его причину – т.е. самый факт продажи и купли рабочей силы, а не одни его последствия, т.е. капитализм.

Рабочие смутно понимают это: все чаще и чаще они говорят теперь, что если социальная революция не начнет с захвата всех средств жизни – т.е. с "распределения", как говорят экономисты, – и не обеспечит каждому все необходимое для жизни, т.е. жилище, пищу и одежду, то это будет все равно, как если бы ничего и не было бы сделано. И мы знаем также, что при наших могущественных средствах производства такое обеспечение вполне возможно. Если же рабочий останется рабочим наемным, то он останется рабом того, кому будет вынужден продавать свою рабочую силу – все равно, будет то частное лицо или государство.

Точно так же народный ум, т.е. сумма всех бесчисленных мнений, возникающая в головах людей, предвидит, что если роль хозяина в покупке рабочей силы и в наблюдении за ней возьмет на себя государство, то результатом этого явится опять-таки самое отвратительное крепостничество. Человек из народа рассуждает не отвлеченностями, а прямо фактами повседневной жизни. Он чувствует поэтому, что то государство, о котором болтают в книгах, явится для него в форме несметных чиновников, взятых в числе его бывших товарищей по работе, а что это будут за люди – он слишком хорошо знает по опыту. Он знает, чем становятся отличные товарищи, раз они сделались начальством и он стремится к такому общественному строю, в котором настоящее зло не было бы заменено новым, а совершенно уничтожено.

Вот почему коллективизм так-таки никогда и не мог увлечь народных масс, которые в конце концов приходят к коммунизму, но к коммунизму все более и более освобождающемуся от церковной и якобинской окраски сороковых годов – т.е. к коммунизму свободному, анархическому.

Мало того, оглядываясь назад на все то, что мы пережили за последнюю четверть века в европейском социалистическом движении, я положительно убежден, что современный социализм вынужден непременно сделать шаг вперед в направлении к свободному коммунизму и что до тех пор, пока он этого не сделает, та неопределенность в умах масс, о которой я только что говорил, будет задерживать дальнейшие успехи в социалистической пропаганде.

Мне кажется, что силой вещей социалист должен признать, прежде всего, что материальное обеспечение существования всех членов общества должно быть первым актом социальной революции. Но вместе с тем ему приходится сделать еще один шаг, а именно – признать, что такое обеспечение должно быть достигнуто не при помощи государства, а совершенно вне его, помимо его вмешательства.

* * *

Что общество, взявши в свои руки все накопленные богатства, может свободно обеспечить всем довольство под условием четырех или пяти часов в день физического труда в области производства – на это согласны все те, кто только думал об этом вопросе. Если бы каждый человек привыкал с детства знать, откуда берется хлеб, который он ест, дом, в котором он живет, книга, по которой он учится и т.д. и если бы каждый привыкал соединять умственный труд с трудом физическим в какой бы то ни было отрасли производства – общество могло бы легко достигнуть этого, даже помимо расчета на упрощение в способах производства, которые принесет нам более или менее близкое будущее.

В самом деле, достаточно подумать только о том,

*Вся тактика английской аристократии и плутократии за полтораста лет была в этом направлении; ради нее парламент создал право захвата общинных земель (миллионы акров были захвачены в течение этого девятнадцатого века), и даже последняя война против буров была вызвана именно желанием Иоганнесбургских золотопромышленников уничтожить общинное землевладение у негров, обезземелить их, загнать их в "казармы" и заставить их голодом и штрафами работать за бесценок в заводах и рудниках, также как работают негры в алмазных копях в Кемберлее.

какое невообразимое количество сил тратится в настоящую минуту задаром, чтобы представить себе, как много могло бы получить всякое образованное общество, как мало труда потребовалось бы для этого от каждого человека, какие грандиозные дела могло бы такое общество предпринимать – дела, о которых теперь не может быть и речи. К сожалению, метафизическая политическая экономия никогда не занималась тем вопросом, который должен был бы составлять всю ее сущность, т.е. вопросом экономии сил.*

Относительно возможности для коммунистического общества быть богатым при нашей современной могучей технике, сомнений быть не может. Сомнение является только вопрос о том, может ли существовать подобное общества без полного подчинения личности контролю государства, и не требуется ли для достижения материального благосостояния, чтобы европейские государства принесли в жертву даже ту незначительную свободу, которую им удалось, ценой стольких жертв, завоевать в продолжении нашего века?

Одна часть социалистов утверждает, что этого результата можно достигнуть не иначе, как принеся свободу в жертву на алтарь государства. Другая же, к которой принадлежим мы, думает наоборот, что возможно достигнуть коммунизма, т.е. владеть сообща всем нашим общественным наследием и производить сообща все богатства, – только путем уничтожения государства, завоевания полной свободы личности, добровольного соглашения и совершенно свободного соединения в союзы и в федерации союзов.

Этот вопрос стоит в настоящую минуту на первом плане и на этот вопрос социализм должен дать тот или другой ответ немедленно, если он хочет, чтобы все его усилия не оказались бесплодными.

Рассмотрим же его со всем тем вниманием, которого он заслуживает.

Каждый социалист легко вспомнит, как много предрассудков было в нем в то время, когда он впервые услыхал или подумал сам, что уничтожение частной собственности на землю и капитал становится исторической необходимостью.

То же самое происходит в настоящее время с человеком, которому в первый раз приходится слышать, что уничтожение государства с его законами, со всей его системой управления, со всем его объединением, точно так же становится исторической необходимостью, что уничтожение капитализма невозможно без уничтожения государства...

Эта мысль бесспорно противна всем понятиям, привитым нам воспитанием, – воспитанием, которым (не мешает помнить) руководят в своих выгодах церковь и государство.

Мы так много учились и читали о необходимости в власти, мы так запуганы и боимся самих себя (христианство) и еще более того "неразумной толпы" (история), мы так много наслышаны об ужасах бунтов, беспорядков "хаоса" и "анархии", что мысль безвластия нас пугает с первого раза.

Но становится ли от этого мысль безвластия менее справедливой? И раз мы принесли уже в жертву своего освобождения столько предрассудков относительно хозяина, собственности, религии – остановимся ли мы перед предрассудком государства?

* * *

Я не стану вдаваться в критику государства: это сделано было уже много раз. Точно так же я не стану рассматривать и его историческую роль и сошлюсь на другую мою работу "Государство и его роль в истории". Я ограничусь несколькими общими замечаниями.

Прежде всего, в то время, как человеческие общества существуют с самого начала появления на земле человека, государство представляет собой, напротив, форму общественной жизни, создавшуюся очень недавно у наших европейских обществ. Человек существовал уже в течение целых тысячелетий, прежде чем образовались первые государства; Греция и Рим процветали уже целые века до появления македонской и римской империи, а для нас, современных европейцев, государства существуют, собственно говоря, только с шестнадцатого века. Именно тогда завершилось уничтожение свободных общин и создалось общество взаимного страхования между военной и судебной властью, которое называется государством.

Лишь в шестнадцатом веке был нанесен решительный удар преобладавшим до этого времени представлениям о городской и сельской независимости свободных союзов и организаций, свободной на всех ступенях федерации независимых групп, отправляющих все те обязанности, которые теперь государство захватило в свои руки. Лишь после поражения крестьянского, гусситского и анабаптистского движений и после покорения вольных городов, союз между церковью и зарождавшейся королевской властью положил конец федеративной вольной организации. Между тем, это устройство просуще

*Политическая экономия как буржуазная, так и социалистическая остается до сих пор в том же положении, в каком была геология в конце прошлого века, т.е. чистой метафизикой. Экономисты не понимают, как ненаучно, например, утверждать количественные отношения, не давая себе труда и даже не понимая необходимости количественно проверить утверждаемые ими количественные законы. Что сказали бы, например, про физика, который видит, что камень, упавший с 5-го этажа летит скорее, чем камень, упавший с первого этажа, сказал бы: "пространство, пройденное камнем, пропорционально времени, которое он падал", и не подозревал бы о необходимости проверить цифрами свое утверждение? А между тем, хотя бы по вопросу о меновой ценности нам говорят, что она измеряется количеством необходимого труда (т.е. стало быть, пропорциональна ему), даже не замечая, что для того чтобы утверждать, что между двумя количествами существует отношение прямой пропорциональности (что "одно есть прямолинейная функция другого", говорят математики) обязательно доказать, что такое отношение действительно существует. Экономист же, заметивши: "разве ценность алмазов не уменьшилась с тех пор, как их стали много находить в Африке"? – довольствуется этим наивным замечанием. О том же, что всякий естественный закон выражается в форме условий, т.е. если это существует, то произойдет то-то, он как будто и не слыхал, а прямо так и говорит: "мерило ценности – такой-то труд". Между тем, как если так оно и есть, то есть и же условия, при которых это возможно, и весь интерес лежит именно в изучении этих условий: всегда ли они на лицо или только иногда? Я говорю, конечно, о наших современных писателях. Относительно трудовой теории ценности ее основатель Адам Смит также мало виновен в подобном утверждении, как и Ньютон в утверждении, что "все тела притягиваются"..В кругу общественных наук есть, конечно, место для науки политической экономии. Но эта наука, когда ее начнут разрабатывать, будет совсем не похожа на теперешнюю. Она займет место физиологии общества. Физиология растений (физиология питания, размножения) изучает какими приспособлениями пользуются растения, чтобы достигать наибольших результатов (сохранение особи, вида) при наименьшей затрате энергии; физиология общества то же сделает для общества и, изучив эти приспособления и сравнив их с результатами скажет: такие-то приспособления делают наибольшую экономию энергии при наибольшей жизненности особи и вида, а такие-то безумную трату сил. Такие-то неэкономны, но полезны тем-то. Сочинять же метафизические трилогии расчета развития общества и открывать законы, не подозревая даже о полезности всякого, так называемого, закона природы, значит делать то, что делали геология и физиология, когда они еще не были науками.

ствовало с девятого по пятнадцатый век и дало тот замечательный период свободных средневековых городов, создавших целую новую и могучую цивилизацию, характер которой так хорошо уловили Огюстен Тьерри и Сисмонди - историки, к сожалению, слишком мало читаемые в наше время.

Известно - каким образом это соглашение между дворянином, священником, купцом, судьей, солдатом и королем упрочило свое господство. Все свободные союзы, существовавшие в средневековой городской и деревенской общине, - все гильдии, все союзы ремесленников, мастеров и подмастерий, братства, подсоседства и т.д. - были уничтожены повсеместно: королями в Англии, Франции, Италии и Германии; московскими царями в России. Земли, принадлежавшие общинам, были отданы на разграбление; богатства, составлявшие собственность гильдий, были конфискованы; всякое свободное соглашение между людьми подвергалось безусловному и жесткому запрещению. Чтобы установить свое господство, чтобы получить возможность управлять потом лишь стадами, не имевшими между собой никакой прямой связи, Церковь и Государство не останавливались ни перед чем: убийство тайное в одиночку и массовое, колесование, виселица, меч и огонь, пытка, выселение целых городов - все было пущено в ход. Вспомните о сотне с лишком тысяч крестьян: перебитых в Голландии, о другой сотне тысяч убитых на Рейне и в Швейцарии, о зверствах Ивана Грозного в Новгороде...

* * *

Только теперь, только в последние двадцать лет мы начинаем отвоевывать путем борьбы и революции крохи тех прав на вольные артели, всевозможные союзы, которыми пользовались средневековый ремесленники и крестьяне, даже крепостные.*

Мы едва начинаем отвоевывать эти права и, если вы вглядитесь в жизнь современных цивилизованных народов - книги не говорят об этом, но присмотритесь к жизни -, вы увидите, что господствующее стремление нашего времени - есть стремление к образования тысяч всевозможных потребностей современного человека.

Вся Европа покрывается добровольными союзами с целью изучения, обучения промышленности, торговли, науки, искусства и литературы, с целью развлечения и серьезной работы, наслаждения и самопожертвования - одним словом, для всего того, что составляет жизнь деятельного и мыслящего существа. Мы находим эти постоянно возникающие общества во всех уголках политической, общественной, экономической, художественной и умственной жизни Европы и Америки. Одни из них быстро исчезают, другие живут уже десятки лет, и все они стремятся, сохраняя независимость каждого кружка, группы, отделения или ветви, соединяться с другими, сплотиться, образовать между собой федерации в каждой стране и международные, и охватить все существование цивилизованного человека сетью перекрещивающихся и переплетающихся нитей. Эти общества насчитываются уже десятками тысяч и охватывают миллионы людей, а между тем не прошло еще и пятидесяти лет с тех пор как Церковь и Государство стали терпеть некоторые (только еще некоторые) из них.

Повсюду эти общества захватывают то, что прежде считалось обязанностью государства, и стремятся заменять деятельность его объединений, чиновничей власти деятельностью добровольной. В Англии мы находим даже общества страхования от воровства.**, общества спасения на водах, общества добровольных защитников страны, общества защитников берегов и т.д. без конца. Государство стремится, однако, взять всякое такое общество под опеку и превратить его в орудие упрочения своей власти, и иногда ему это удается (красный крест). Но первоначальная цель всех этих обществ - обходиться без Государства. Не будь Церкви и Государства, свободные общества давно охватили бы область образования и воспитания и уж конечно давали бы лучшее образование, чем то ложное образование которое дает - далеко не всем - государство. Впрочем, вольные общества уже начинают вторгаться в ней свое влияние, несмотря на все препятствия.

При виде того, как много делается в этом направлении помимо государства и наперекор ему (так как оно старается сохранить за собой господство, завоеванное им в течение трех последних столетий), при виде того, как добровольные союзы захватывают понемногу все и останавливаются в своем развитии только уступая силе государства, мы волей неволей должны признать, что здесь проявляется могучее стремление и пробивается могучая сила общества. И мы можем тогда с полным правом поставить следующий вопрос: если через пять, десять, двадцать лет - все равно - восставшим рабочим удастся сломить силу названного общества взаимного страхования между собственниками, банкирами, священниками, судьями и солдатами, если народ станет на несколько месяцев хозяином своей судьбы и завладеет всем созданным им и принадлежащим ему по праву богатством - то займется ли он снова восстановлением хищнического государства? Не попытается ли он, наоборот, создать организацию, идущую от простого к сложному, основанную на взаимном соглашении, соответственно разнообразным и постоянно меняющимся потребностям каждой отдельной местности, с целью обеспечить за собой пользование завоеванными богатствами и возможность жить и производить все то, что окажется необходимым для жизни? Иными словами, разрушив современную государственную организацию, чтобы совершить социальный переворот, что лучше: создавать ли вновь государство - вековое орудие угнетения народов - в обновленной форме или же искать средства обойтись без него?

Пойдет ли народ за господствующим стремлением века или наоборот, он пойдет против него, пытаясь вновь создать уничтоженную им же власть?

* * *

Культурный человек, которого Фурье с презрением назвал "цивилизованным", трепещет при мысли, что об

---

*Подробности об этом периоде читатель найдет в брошюре "Государство, его роль в истории", а также с указанием источников в статьях: "Взаимная помощь" Ш."Варварский период", иIУ "Средневековой город"

**За рубль с небольшим в год вы страхуете имущество в 1000 рублей и что бы у вас ни украли, кампания без всяких разговоров выплачивает вам стоимость украденного. "Вы конечно обращаетесь в полицию, чтобы разыскать вора?" - спросили мы одного агента. "Нет, это совершенно бесполезно. Притом страхование оплачивает все расходы".

щество может остаться в один прекрасный день без судей, без жандармов и без тюремщиков.

Действительно ли, однако, так нужны нам эти господа, как говрят нам в книгах - книгах, написанных учеными, которые обыкновенно хорошо знают, что было написано до них в других книгах, но совершенно не знают, по большей части, ни народа, ни его ежедневной жизни.

Если мы можем безопасно ходить по улицам Парижа где кишат полицейские, то и по деревенским дорогам, где лишь изредка встречаются прохожие, то чему мы обязаны этим: полиции или скорее отсутствию людей, желающих убить или ограбить прохожего? Я не говорю конечно о людях, носящих при себе миллионы - таких мало - я имею в виду простого буржуа, который боится не за свой кошелек, наполненый несколькими дурно приобретенными червонцами, а за свою жизнь. Основательны ли его опасения?

Недавний опыт показал нам, что Джэк Потрошитель совершал свои зверства буквально под носом у полицейских (а Лондонская полиция - самая деятельная в мире) и прекратил он их только тогда, когда его начало преследовать само Уайтчапельское население.

А наши ежедневные отношения с нашими согражданами? Неужели вы думаете, что противообщественные поступки в самом деле предотвращаются судьями, тюрьмами и жандармами? Неужели вы не видите, что судья т.е. человек одержимый законническим помешательством и, вследствие этого, всегда жестокий- что доносчик, шпион, тюремщик, палач, полицейский (а без них как жить судье?) и все подозрительные личности, ютящиеся вокруг судов, каждый из них - центр разврата, распространяемого в обществе? Присмотритесь -ка к этой жизни судейской, прочитайте отчеты о процессах пробегите объявления, ими полны газеты английских агенств для частного сыска, предлагающие за бесценок выслеживать поведение мужей и жен, при помощи опытных сыщиц; постарайтесь хотя по отрывкам составить картину Скотланд-Ярда (английского третьего отделения), Тайной Парижской полиции с ее помощницами на тротуарах и русского Третьего отделения; загляните за кулисы судов, посмотрите что делается на задах торжественных каменных фасадов, и вы почувствуете отвращение глубочайшее. Разве тюрьма, убивающая в человеке всякую волю и всякую силу характера и заключающая в своих стенах больше порока, чем в каом бы то ни было другом пункте земного шара, не играла всегда роль высшей школы преступления, а зал суда всякого суда - школы самой гнусной жестокости?

Нам возражают, что когда мы требуем уничтожения государства и всех его органов, мы мечтаем об обществе, состоящем из людей лучших, чем те, которые существуют в действительности. Нет, отвечаем мы, тысячу раз - нет! Мы требуем одного: чтобы все эти гнусные государственные учреждения не делали людей худшими, чем они есть!

* * *

Известный немецкий ученый задумал однажды резюмировать свои науные труды в сочинении, в котором он намеревался разобрать средства, служащие к поддержанию общественной жизни. Сочинение это носит название "Цель в праве (   ) и пользуется вполне заслуженной репутацией.

Он выработал план своего труда и разобрал с болшим знанием два существующих принудительных средства: наемную плату и формы принуждения, помеченные в законе. В конце он оставил два параграфа, чтобы упомянуть о двух принудительных средствах, которым он как и следовало юристу, не придавал существенного значения: чувству долга и чувству симпатии.

И что же? По мере того, как он исследовал принудительные средства, он убеждался в полной их недостаточности, полной неспособности поддержать общественный строй. Он посвятил им целый том и в результате исследования их значение сильно пошатнулось.Когда же он приступил к двум последним параграфам и стал думать о принудительных средствах общественных средствах общественной жизни, он увидал, что они имеют такое громадное значение, преобладающее, что вместо двух главок ему пришлось написать целый второй том, вдвое толще первого, об этих двух средствах: о добровольном самоограничении и о взаимной поддержке , причем он исчерпал только ничтожную часть предмета, так как говорил только о том, что вытекает из чувства личной симпатии, едва затронув вопрос о свободном соглашения для выполнения общественных отправлений.

С каждым из нас случится то же, что и с Иерлнгом, если вы серьезно подумаете и вместо того чтобы повторить формулы, заученные вами в школе, сами серьезно разберетесь с этим вопросом. Подобно Иерингу вы увидите, какое ничтожное значение имеет в обществе принуждение значительно сравнительно с добровольным соглашением.

С другой стороны, если вы последуете уже старом совету, данному Бентамом, и подумаете о гибельных - прямых, а в особенности, косвенных - последствиях всякого законного принуждения, вы возненавидите, как Толстой и как мы, это употребление силы и придете к заключению, что в руках общества есть тысяча других, гораздо более действенных средств для предотвращения противообщественных поступков; если же оно теперь не прибегает к этим средствам, то только потому, что и его воспитание, руководимое церковью и государством, и его ленность и трусость мысли мешают ясному пониманию этих вопросов. Если ребенок совершил какой-либо проступок - проще всего его наказать: тогда, по крайней мере, не нужно никаких объяснений. А разве трудно казнить человека, особенно когда есть на то наемные палачи - в Англии всего и по фунту, т.е. по 10 рублей за каждого повешенного? Чего лучшего! Заплатить несколько сот рублей в год и не ломать голову над причинами преступлений! А в Сибирь сослать, или в Крест запереть - и того проще Но не омерзительно ли это? Нам часто говорят, что мы - анархисты, живем в мире мечтаний и не видим современной действительности. На деле же выходит , что мы, может быть, слишком хорошо видим ее и знаем, а потому и стараемся прорубить топором просеку в окружающей нас чаще вековых предрассудков по вопросу о всякой власти "от Бога или от мира сего".

Мы далеко не живем в мире видений и не представляем себе людей лучшими, чем они есть на самом деле Наоборот - мы именно видим их такими, какие они есть, а потому утверждаем, что власть портит даже самых лучших людей, и что все эти теории "равновесия

власти" и "контроля над правительством" ничто иное, как ходячие формулы, придуманные теми, кто стоит у власти, для того чтобы уверить верховный народ, что правит именно он. На деле же государством народ нигде не правит. Везде богатые и обученные люди управляют бедняками.* Именно в силу вашего знания людей мы говорим правителям, которые думают, что без них люди бы загрызли друг друга: "Вы рассуждаете как тот французский король, который, будучи принужденным уехать за границу, воскликнул - что станется без меня с моими несчастными подданными!"

Конечно, если бы люди были такими высшими существами, какими их изображают утописты власти, если бы могли, закрывая глаза на действительность, жить как они в мире иллюзий насчет нравственной высоты тех, кого они считают призванными к управлению, тогда, может быть, и мы думали бы как они и верили бы в добродетели правителей.

В самом деле - что же было бы худого в рабстве, если бы рабовладельцы были теми праведными архангелами, какими их изображают утописты рабства? Вы, может быть, помните, какими розовыми красками нам расписывали американских рабовладельцев и крепостников-помещиков лет тридцать тому назад? Они ли не заботились отечески о своих рабах и крепостных! Без барина, эти ленивые, беспечные, непредусмотрительные дети просто пропали бы с голоду. И к чему - говорил нам крепостник - станет барин обременять своих рабов непосильным трудом или истязать их под розгами! Ведь его прямая выгода хорошо кормить своих рабов, хорошо с ними обращаться, заботиться о них, как о своих собственных детях! Уж как сладко нам напевали это в нашем детстве всероссийские Скарятины, американские газетчики и английские попы! А кроме того, ведь существовал закон, каравший владельца за малейшее уклонение от своих обязанностей! А между тем Дарвин, вернувшись из своего путешествия в Бразилию так всю жизнь и был преследуем криками изувечиваемых раб , которые он слышал в Бразилии, и рыданиями женщин, стонавших от боли в закованных в кандалы руках. А вам, детям бывших помещиков, по сию пору краска бросается в лицо при одной мысли о том, что делали их отцы.

Если бы господа, стоящие у власти, действительно были людьми настолько умными и преданными общественному делу, как нам изображают их хвалители государства - какую бы можно было создать великолепную утопию с правительством и хозяевами во главе! Хозяин был бы не тираном, а отцом своих рабочих! Завод был бы привлекательнейшим местопребыванием и никогда бы целые населения рабочих не оказывались осужденными на физическое вырождение. Государство не отравляло бы своих рабочих, заставляя делать спички с белым фосфором, когда его так легко заменить красным. Таких судей, которые осуждают на целые годы лишений и голода и на смерть от истощения ни в чем не повинных людей - жен и детей приговариваемых - таких зверей не существовало бы; прокуроры не стали бы требовать смертной казни для подсудимого только ради того, чтобы проявить свои ораторские таланты; и не нашлось бы ни тюремщиков, ни палачей для приведения в исполнение приговоров, которые судьи сами не хотят исполнять! Да что тут говорить! У самого Плутарха не хватило бы слов, чтобы расписать все добродетели депутатов того блаженного времени, которым противен самый вид панамских чеков! Дисциплинарные батальоны стали бы рассадниками всяких добродетелей, а постоянные армии - одним удовольствием для граждан, так как ружья служили бы солдатам только для того, чтобы маршировать перед няньками и детьми с букетами цветов, надетыми на штыки.

Какая прекрасная утопия, какая чудесная святочная сказка создается в нашем воображении, как только мы представим, что люди, стоящие у власти, представляют собой высший класс людей, которому чужды или почти чужды слабости простых смертных! Достаточно было заставить чиновников контролировать друг друга соответственно табели о рангах и ограничить всего двадцатью пятью номерами количество рапортов и отношений, которыми позволено будет обмениваться канцеляриям в случае, если какой-нибудь ветер сломает казенное дерево, (теперь в объединенной федерации, чтобы продать казенное дерево, сломленное бурей, концелярии обмениваются 53-я номерами бумаг). В случае надобности можно, кроме того, предоставить надзор за чиновниками простым смертным, которые в государтсвенных утопиях становятся олицетворением мудрости, как только им приходится выбирать себе правителей.

Вся наука государственного управления, созданная самими правителями, проникнута этой утопией. Но мы слишком хорошо знаем людей, чтобы предаваться подобным мечтам. Мы не прилагаем двух различных мерок смотря по тому, идет ли речь об управителях или об управляемых; мы знаем, что мы сами несовершенны, и что даже самые лучшие из нас быстро испортились бы, если бы попали во власть. Мы берем людей такими, каковы они есть, и вот почему мы ненавидим всякую власть человека над человеком и стараемся всеми силами - может быть даже недостаточно - положить ей конец.

* * *

Но одного разрушения недостаточно. Нужно также уметь создавать. Народ всегда оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал о созидании. Разрушив старое, он предоставлял всегда заботу о будущем буржуазии, которая имела перед ним то преимущество, что знала более или менее ясно, что хотела и, таким образом, восстанавливала власть снова в свою пользу.

Вот почему, стремясь к уничтожению власти во всех ее проявлениях, к уничтожению закона и механизма, служащего для того, чтобы заставить им под-

*"Если в Англии, во Франции, в Соединеных Штатах да еще в Швейцарии народ имеет кое-какое влияние на государственные дела, то только потому, что в этих странах во всякой деревушке, во всякой мастерской, а тем более в больших городах есть люди, которые "когтем и зубом" готовы стоять на свои человеческие права и не позволять ни себя, ни свои права топтать в грязь. Когда недавно (в 1886г.) в Лондоне опять заговорили, что надо бы не пускать манифестацию голодных рабочих в Гайд-парк, то вся печать завопила: "А забыли небось 1878г. - год наверное не помню - когда полицейские преградили толпе дорогу в парк? Что они тогда наделали? Разломали железную решетку и ее пиками полицейских перебили. С нашим народом шутить нельзя. Наша"чернь" весь Лондон способна разнести". И разнесли бы. Могу прибавить, что правительство знало это в 1886 году. Свободу, какая бы она ни была, надо завоевывать, а не ждать ее от "высочайше дарованных" конституций.

чиняться, отрицая всякую местническую организацию и проповедуя свободное соглашение, анархизм стремится, вместе с тем, к поддержанию и расширению того ядра привычек общественности, без которых не может существовать никакое человеческое, никакое животное общество. Только вместо того, чтобы ждать поддержки этих общественных привычек от власти нескольких человек, он ждет ее от постоянной деятельности всех.

Коммунистические учреждения и привычки необходимы для общества не только как способ разрешения экономических затруднений, но также и для поддержания и развития тех привычек общественности, которые сближают людей, создают между ними отношения, обращающие пользу каждого в пользу для всех - учреждения, соединяющие людей, вместо того чтобы разъединять их.

Когда мы задаем себе вопрос: какими средствами поддерживается в человеческом или животном обществе известный нравственный уровень, мы находим всего три таких средства: преследование и наказание противообщественных поступков, нравственное воспитание и широкое применение взаимной поддержки в жизни. А так как эти три способа уже были использованы, то мы можем судить о них на основании результатов.

Что касается бессилия судебного наказания, то оно достаточно доказывается тем безобразным положением, в котором находится современное общество, и самой необходимостью вой революции, к которой мы стремимся и неизбежность которой мы все чувствуем. В области хозяйственной система принуждения привела нас к фабричной каторге; в области политической - к государству, т.е. к разрушению всех связей, существовавших прежде между гражданами (якобинцы в 1793 г разорвали даже те связи, которым удалось устоять против королевской власти), с целью сделать из них бесформенную массу подданых, подчиненную во всех отношениях одной срединной власти. Государственные законы и наказания не только помогли создать все бедствия современного хозяйственного политического и общественного строя, но вместе с тем обнаружили свою полную неспособность поднять нравственный уровень общества. Они не сумели даже удержать его на том уровне, на котором оно стояло. В самом деле, если бы какая-нибудь благодетельная фея вдруг развернула перед нашими глазами все те преступления, которые совершаются в цивилизованном обществе под прикрытием неизвестности, протекции высокопоставленных лиц и самого закона, общество содрогнулось бы. За крупные политические преступления, вроде наполеоновского переворота 2 декабря или кровавой расправы с коммуной или царских расправ в каторге и Шлиссербурге, виновные никогда не понесут наказания. Некрасов правду сказал: "бичуют маленьких воришек для удовольствия больших". Мало того. Когда власть берет на себя задачу улучшать общественную нравственность "наказанием виновных", оно лишь порождает ряд новых преступлений - в судах и тюрьмах. К принуждению люди прибегали в течение целого ряда веков и так безуспешно, что мы находимся теперь в положении, из которого не выйти иначе, как разрушив и уничтожив принудительные учреждения нашего прошлого, но как же наказывать?! Создать новые формы принуждения.

Мы далеко не отрицаем значения второго из упомянутых средств: нравственного воспитания, особенно такого, которое бессознательно передается в обществе от одного к другому и вытекает из общего свода мыслей и мнений, высказываемых каждым из нас относительно событий ежедневной жизни. Но эта сила может влиять на общество только при одном условии: если ей не будет препятствовать другое безнравственное воспитание, вытекающее из существующих государственных учреждений.

В этом последнем случае ее влияние сводится к нулю или даже оказывается вредным. Возьмите христианскую нравственность: какая другая нравственность могла бы иметь такое сильное влияние на умы, как христианская, говорившая от имени распятого Бога и действовавшая всей силой своей таинственности, всей поэзией мученичества, всем величием прощения палачам? А между тем влияние государственных учреждений оказалось сильней христианской религии. Христианство было в сущности восстанием иудеев против императорского Рима, но на деле оно было покорено этим Римом, оно приняло его начала, его обычаи, его нравы, его язык. Христианская церковь проникнулась началами римского государственного права и, вследствие этого, явилась в истории союзницей государства - самого отчаянного врага тех полукоммунистических учреждений, к которым взывало христианство в начале своего существования.

Можем ли предположить, хотя бы на минуту, что нравственное воспитание, устанавливаемое под покровительством министерских циркуляров, будет иметь ту творческую силу, которой не оказалось у христианства? И что может сделать воспитание, хотя бы оно и стремилось сделать людей действительно общественными, если против него будет стоять другое воспитание, ежедневное, вытекающее из суммы всех противообщественных привычек и учреждений?

Остается третий элемент - само учреждение, действующее так, чтобы поступки, в которых проявляются чувства общественности, вошли в привычку, сделались делом инстинкта. Эта сила, как показывает нам история, никогда не оказывалась беспомощной; никогда она не являлась обоюдоострым оружием. И если случалось, что она не достигала своей цели, то только тогда, когда хороший обычай, становясь понемногу неподвижным, окристаллизованным, обращался в какую-то неприкосновенную религию и поглощалась личность, отнимая у нее всякую свободу действий и тем самым вынуждая ее бороться с тем, что становилось препятствием к дальнейшему развитию.

В самом деле, все то, что послужило в прошлом, как элемент развития, прогресса, или как орудие нравственного воспитания и умственного воспитания человечества - все это вытекало из приложений на практике начал взаимной поддержки и проявления таких привычек, которые признавали равенство между людьми, побуждали их самих соединяться друг с другом, сплачиваясь для производства или потребления, или же для общей защиты образовывать союзы и прибегать для решения возникавших между ними споров к посредникам, выбранным из своей собственной среды.

Всякий раз, когда эти учреждения, рождавшиеся как продукт народного творчества в те эпохи, когда народ завоевал себе свободу, достигали в истории на-

наибольшего развития - всякий раз и нравственный уровень общества, и его материальное благосостояние, и его умственный прогресс, и развитие общества, и развитие личности - все поднималось. Всякий же раз, когда, наоборот, в силу ли иностранного завоевания, или в силу развития предрассудков, люди все больше и больше делились на управителей и управляемых, на эксплуататоров и эксплуатируемых, - нравственный уровень общества понижался; вместо благосостояния большинства являлась нажива некоторых, и общий дух века быстро мельчал.

Этому учит нас история и именно из нее мы черпаем нашу веру в учреждения свободного коммунизма, как в силу, которая способна поднять нравственный уровень общества, пониженный привычками государственности.

В настоящее время мы живем в городах рядом с другими людьми, даже не зная их. В дни выборов мы встречаемся друг с другом на собраниях, слушаем лживые или нелепые речи кандидатов и возвращемся к себе домой, Государство заведует всеми делами, имеющими общественный интерес; на нем лежит обязанность следить за тем, чтобы отдельные люди не нарушали интересов своих сограждан и, в случае необходимости исправлять нанесенный ими вред, наказывая виновных. На нем лежит забота о помощи голодающим, забота образования, защита от врагов и т.д., и т.п.

Ваш сосед может умереть с голоду или заколотить на смерть своих детей - но вас это не касается: это дело полиции. Вы не знаете своих соседей; вас ничего не связывает с ними, а все разъединяет, и за неимением лучшего вы просите у Всемогущего (прежде это был Бог, а теперь государство), чтобы он не допускал противообщественной страсти до последних пределов.

В коммунистическом обществе дело неизбежно должно пойти иначе. Организацию коммунистического строя нельзя поручить какому-нибудь законодательному собранию - парламенту, городскому или мирскому совету. Оно должно быть делом всех, оно должно быть создано творческим умом самого народа; коммунизм нельзя навязать свыше. Без постоянной, ежедневной поддержки со стороны всех, он не мог бы существовать; он задохся бы в атмосфере власти.

Вследствие этого, коммунизм и не может существовать иначе, как создавая тысячи точек соприкосновения между людьми по поводу их общих дел. Он не может жить иначе, как создавая совместную жизнь для самых малых единиц: для каждой улицы, для каждой кучки домов, для каждого квартала, для каждой общины и города. Он всегда только и может достичь своей цели если покроет общество целой сетью артелей и обществ служащих для удовлетворения всевозможных потребностей: нужды довольства, роскоши, изучения, развлечений и т.д. А эти общества точно так же не могут оставаться чисто местными; они неизбежно будут стремиться к тому, чтобы стать всенародными и международными, как это происходит уже теперь с учеными обществами, с обществами велосипедистов, с обществами для спасения утопающих и т.д.

И те общественные привычки, которые неизбежно вызовет к жизни коммунизм - хотя бы в начале даже не полный коммунизм - окажутся несравненно сильнее для поддержания развития существующего уже ядра общественных привычек, чем все возможные карательные меры.

Вот от такой формы жизни, от такого общественного строя мы ждем развития духа взаимного соглашения. Заметим, кстати, что эти соображения служат также ответом тем, кто утверждает, что коммунизм и анархия несовместимы. На деле они составляют необходимое дополнение друг друга.

Полное развитие личности и ее личных особенностей может иметь место - по справедливому замечанию одного из наших товарищей - только тогда, когда первые главные потребности человека в пище и жилье удовлетворены, когда его борьба за жизнь, против сил природы упростилась, когда его время не поглощено тысячами мелких забот о поддержании своего существования. Тогда только ум, художественный вкус, изобретательность и вообще все способности человека могут развиться свободно.

-- Коммунизм представляет собой, таким образом, лучшую основу для развития личности - не того индивидуализма, который толкает людей на борьбу друг с другом и который и был нам до сих пор известен - а того, который представляет собой полный расцвет всех способностей человека, высшее развитие всего, что в нем есть оригинального, наибольшую деятельность его ума, чувств и воли.

* * *

Таков наш идеал, и что нам за дело до того, что во всей своей полноте он осуществится лишь в более или менее отдаленном будущем! Его частное осуществление мы можем начать сейчас же, среди нас самих; его идеи мы должны распространять как можно шире, не медля ни минуты - и тогда мы увидим, как наши отдаленные стремления повлияют на каждый шаг вперед, который сделает общество, как они отразятся на всех воззрениях относительно того, что следует делать сейчас же, как отнестись к каждому частному вопросу.

Наше дело - открыть, прежде всего, путем изучения современного общественного строя, его стремления, его направления, свойственные ему в данный момент развития и указать эти стремления. Затем - осуществить эти стремления в наших сношениях с нашими единомышленниками; и, наконец - заняться уже теперь и в особенности с наступлением революционного периода разрушением учреждений и предрассудков, стесняющих развитие этих стремлений.

Это - все, что мы можем сделать как мирным, так и революционным путем. Но мы знаем, что способствуя проявлению этих стремлений, мы содействуем прогрессу, и что все, что идет против них, может только задержать прогресс.

Нам часто говорят о промежуточных ступенях, которые общество должно будет пройти, и нам предлагают бороться за достижение того, на что нам указывают как на первый этапный пункт; впоследствии, говорят нам, можно выйти на истиную дорогу, после того как мы достигнем первого этапа.

Мне кажется, однако, что рассуждать таким образом - значит совершенно не понимать настоящего характера человеческого прогресса и пользоваться сравнением, взятым из военного дела, и, в сущности, довольно неудачным. Человечество не представляет собой ни катящегося шара, ни даже марширующей колонны солдат. Оно есть такое целое, развитие которого состоит

в развитии составляющих его миллионов; и если мы уж непременно хотим сделать сравнение, то материал для таких сравнений надо брать скорей из законов развития живых существ, чем из законов движения неживых тел. В действительности, каждый шаг в развитии общества представляет собой равнодействующую умственных деятельностей всех составляющих его единиц, и он носит на себе отпечаток воли каждой из них. Каков бы ни был новый вид развития, который готовит нам двадцатый век, он неизбежно будет носить на себе отпечаток тех идей безгосударственной свободы, которые начинают пробуждаться уже теперь. Глубина этого движения будет зависеть от числа умов, порвавших с государственными предрассудками, от энергии с которой они будут разрушать старые учреждения, от впечатления, которое они произведут на общество, от ясности, с которой общественный строй освободившегося общества будет обрисовываться в умах этого общества. Но мы можем сказать уже теперь - например, относительно Франции,- что пробуждение идей безгосударственной свободы дало французскому обществу известный толчок, и что будущая революция во Франции ни в каком случае уже не будет той якобинской, сосредоточенной (централизованной) революцией, какой она была бы, если бы произошла двадцать лет назад.

Раз анархические идеи не представляют собой измышления какой-нибудь отдельной личности или группы, а вытекают из всего идейного движения нашего общества, мы можем быть уверены, что каковы бы ни были результаты будущей революции, она уже не приведет нас ни к централизованному и диктаторскому коммунизму сороковых годов, ни к государственному коллективизму.

"Первый этапный пункт" наверное не будет, следовательно, тем что понимали под этим первым шагом всего каких-нибудь двадцать лет тому назад.

Я уже заметил, что поскольку мы можем судить об этом на основании наших наблюдений, перед всей социалистической партией возникает в настоящее время громаднейшая задача - как согласовать ее общественный хозяйственный идеал с движением в сторону свободы личности, начинающимся в умах масс? Затем, в предыдущих революциях недоставало заботы о пробуждении духа народного почина. Теперь же люди начинают понимать, что без пробуждения именно этого почина - повсеместно, в каждом городе и деревушке -нет никакой возможности совершить громаднейший экономический переворот, который требуется совершить.

Отсутствие организаторского творческого почина в народных массах было в самом деле тем подводным камнем, о который разбились все прошлые революции. Очень сильный по своей сообразительности в нападении народ не проявлял почина и творческой мысли в деле построения нового здания. Народ дрался на баррикадах, брал дворцы, выгонял старых правителей, но дело новой постройки он предоставлял образованным классам, т.е. той же буржуазии. У буржуазии же был свой общественный идеал, она знала приблизительно, чего именно она хотела; знала, что можно извлечь в ее собственных интересах из общественной бури. И, как только революция ломала старые порядки, буржуазия бралась за постройку в свою пользу.

В революции разрушение составляет только часть работы революционера. Ему приходится, кроме того, сейчас же строить вновь. И вот эта постройка может произойти либо по старым рецептам, заученным из книг и навязываемым народу всеми защитниками старого - всеми неспособными додуматься до нового. Или же перестройка начнется самостоятельная, постройка социалистического общества под влиянием некоторых общих начал, усвоенных массой, которая будет искать их практического осуществления на месте, в сложных отношениях, свойственных каждой местности. Но для этого у народа должен быть свой идеал, для этого в его среде должны быть люди почина, инициативы.*

А между тем именно эту инициативу рабочего и крестьянина душили сознательно или бессознательно все партии - в том числе и социалисты - ради рабочей дисциплины. Все распоряжения исходили из центра, от комитетов, а местным органам оставалось только подчиняться, чтобы не нарушать единства организации. Целая система воспитания, целая ложная история, целая непонятная наука были выработаны с этой целью.

Вот почему тот, кто будет стремиться уничтожить этот устаревший и вредный прием, кто сумеет разбудить в личностях и группах дух почина, кому удастся положить эти принципы в основу своих отношений с другими людьми, кто поймет, что в разнообразии и даже в борьбе заключается жизнь, и что единообразие - есть смерть, тот потрудится не для будущих веков, а для ближайшей революции.

***

Еще несколько слов.

Мы не боимся злоупотребления свободой. Только те, кто ничего не делает - не делает промахов. Что

---

*Возьмите, например, Парижскую коммуну 1871 года. Не ученые, не руководители народа, даже не вожаки Международного Союза рабочих шепнули парижскому народу что надо провозгласить коммуну; что в каждом независимом городе, объявившем, что он намерен ждать, пока вся Франция дойдет до идеи радикальной социалистической (или, по крайней мере, равенственной республики) надо начать водворять такую республику. Эта идея жила в Париже, в народе с 1793 года; ее развивал в 1848 году Прудон; она гнездилась - полуосознанная, получувство- и полумысль - в умах парижских рабочих. И они - даже сюрпризом для большинства вожаков - провозгласили коммуну. Они объявили, что им нет дела до Франции - государства; что они у себя, в своем любимом Париже намерены начать нечто новое: вступить на новый смутно-социалистический путь, точно также, как в 1793 году в каждом городе, в каждой деревне восточной Франции местный Робеспьер и местный Марат вступали на новый путь - нефеодальный: выгоняли старых чиновников, вооружались, отнимали общинные земли назад, жгли устаревшие грамоты и т.д. И, не дожидаясь никого, парижские блузники, рабочие организовывали военную защиту городов, организовывали почту (на диво английским корреспондентам) и начали (только под конец, к несчастью) организовывать общинное кормление. Если бы в ту пору у парижского народа кроме равенства идей и идей коммуны было бы также смутное сознание, что дома должны быть отобраны у теперешних хозяев коммуной, что коммуне, т.е. блузникам, надо организовать кормление народа а также производство всего что нужно для этого, тогда коммуна, быть может, и не погибла бы: вместо 35000 защитников она имела бы, вероятно, втрое больше. И тогда Тьер с Бисмарком, по всей вероятности, не справились бы с ней. Но этих мыслей у трудового народа в то время еще не было; а от буржуа, даже от ярых революционеров среднего сословия, нечего их было ждать. Таким образом, Парижская коммуна указала нам одно: социальная революция должна произойти повсеместно, она не может быть сделана только рабочим почином- не сверху, а снизу. А как ее сделать хотя бы в одном городе? Нам выпадает задача обдумать это. Наш ответ, в общих чертах, таков: начинать с кормления всех, устройства всех порядочным жильем, говоря учено, с распределения. Производство не должно устроиться согласно надобностям распределения.

же касется людей, умеющих только повиноваться, то и они делают столько же промахов и ошибок или даже больше, чем люди, которые ищут свой путь сами, стараясь действовать в том направлении, на которое их толкает склад ума в связи с воспитанием, которое им дало общество. Нет сомнения, что дурно понятая и в особенности дурно истолкованная идея свободы личности может повести – в особенности в среде, где понятие солидарности недостаточно вошло в учреждения – к поступкам, возмущающим общественную совесть. Допустим же заранее, что это будет случаться. Но достаточная ли это причина для того, чтобы отвергнуть всеобщее начало свободы? Достаточная ли это причина для того, чтобы согласиться с теми, кто восхваляет цензуру для предотвращения "злоупотреблений" освобожденной печати и гильотинирует людей передовых партий ради поддержки единообразия и дисциплины ? В конце концов, как нам показал опыт 1793 года, – ведь это лучшее средство чтобы приготовить торжество реакции.

Единственное, что мы можем сделать при виде противообщественных поступков, это отказаться от правила : каждый за себя, а государство за всех, и найти в себе достаточно смелости, чтобы выражать открыто наше мнение. Это, конечно, может привести к борьбе, но борьба – и есть жизнь. При том же, такая борьба приведет и нас самих к более справедливой оценке большинства поступков, чем та, которую мы сделали бы под исключительным влиянием наших установленных понятий. Многие ходячие понятия нравственности тоже нуждаются в переоценке.

Когда нравственный уровень общества понизился до такой степени, до какой понизился у нас, тогда мы должны предвидеть заранее, что протест против такого общества будет принимать иногда такие формы, которые будут нас коробить; но этого еще недостаточно, чтобы заранее осудить всякий протест. Конечно, нас глубоко возмущают отрубленные головы, насаженные на пики в 1789 году, но не представляли ли они собой последствие виселиц старого королевского порядка и железных клеток, о которых нам говорил Виктор Гюго? Будем надеяться, что избиение тридцати пяти тысяч парижан в 1871 году и осада Парижа Тьером не оставила слишком много жестокости в характере французского народа; будем надеяться, что разврат высших классов , обнаружившийся в недавних процессах, не окончательно разъел еще сердце нации. Да, будем надеяться на это, будем содействовать этому! Но если бы эти надежды нас обманули, то неужели вы – молодые социалисты – отвернетесь от восставшего народа только потому, что жестокость теперешнего господствующего класса оставила в его уме некоторые следы? Что от грязи, царившей наверху, далеко разлетелись брызги во все стороны?

* * *

Нет сомнения, что глубокий переворот, совершающийся в умах,. не может оставаться исключительно в области мысли, а должен перейти в область действий. Как справедливо заметил слишком рано похищенный смертью молодой философ Марк Гюйо (в одной из своих лучших книг*) написанных за последние тридцать лет, между мыслью и делом нет резкой пропасти, по крайней мере для тех, кто не привык к современной софистике. Мысль есть уже начало дела.

Вот почему анархические идеи вызвали во всех странах и во всевозможных формах целый ряд действий протеста: сначала протеста личного против капитала и государства, затем протеста коллективного, в виде стачек и рабочих бунтов; причем и тот и другой вид подготавливают как в умах, так и в жизни восстание массовое, т.е. революцию. Социализм и анархизм в этом отношении лишь следовали за развитием "идей-сил (мыслей, ведущих к делам), которое всегда наблюдалось при приближении крупных народных восстаний.

Вот почему было бы ошибкой со стороны других и наглостью с нашей стороны приписывать исключительно анархизму все резкие проявления протеста. Если пересмотреть все подобные проявления за последнюю четверть века, мы увидим, что они исходили ото всюду.

По всей Европе происходило множество рабочих и крестьянских бунтов. Стачка, бывшая когда-то "войной со сложенными руками", теперь беспрестанно переходит в бунт, достигая иногда – например, в Соединенных Штатах, Бельгии, Андалузии – размеров обширных восстаний.** Такие стачечные бунты, перешедшие в восстание, насчитываются дюжинами как в Старом, так и в Новом Свете.

С другой стороны, акты единичного протеста принимают всевозможные формы, и все революционные партии прибегают к ним. Перед нами проходят: молодая революционерка Вера Засулич – просто социалистка – стрелявшая в Трепова; социал-демократ Гедель и республиканец Побилинг, стрелявший в Германского императора; рабочий-бочар Отеро, стрелявший в Испанского короля; религиозный мадзинианец Пассанто, покушавшийся на Итальянского короля. Затем мы видим аграрные убийства в Ирландии и взрыв в Лондоне, организованные ирландскими националистами, ненавидящими и социализм, и анархизм. Мы видим целое поколение русской молодежи – социалистов, конституционалистов и якобинцев – объявивших беспощадную войну Александру II и заплативших за этот поход против самодержавия тридцатью пятью виселицами и целыми сотнями замученных в Шлиссельбурге и в Сибири. Многочисленные покушения происходят точно также и среди углекопов – бельгийских, английских и американских.

И только к концу этого периода появляется во Франции и в Испании анархисты со своими проявлениями протеста.

Вместе с тем, в течение всего периода избиения – массовые и отдельные – организуемые правительствами, не прекращаются. Версальское собрание избивает, при знаках одобрения всей европейской буржуазии, тридцать пять тысяч парижских рабочих, большей частью пленных побежденной коммуны. "Пинкертонские разбойник" – Iя частная армия, содержимая богатыми американскими капиталистами, избивает по всем правилам исскуства рабочих-стачечников. Попы подстрекают слабоумного человека стрелять в Луизу Мишель, которая как истинная анархистка спасает его из рук правосудия, беря его под свою защиту. Вне Европы происходят избиения индейцев в Канаде, бомбардировка Александрии, истребление Матабелей, не говоря уж о тех бойнях, которым дают название войн – тонкинс-

*Нравственность без принуждения и санкции.

**Также в Милане и в Сицилии.

кой, мадагаскарской и других.* Наконец, ежегодно приговаривают восстающих рабочих Старого и Нового Света к годам тюрьмы, в общем насчитывающим сотни и даже тысячи, и осуждая таким образом на самую ужасную нищету их жен и детей, которые платятся за так называемые преступления отцов; других же восставших ссылают в Сибирь, на острова Тремини, Липарию и Панегелларию, в Бириби.**, в Нумею, в Гвиану и в этих местах ссылки расстреливают ссыльных за малейшее неповиновение.***

Какая бы получилась страшная книга, если бы кто-нибудь дал перечень страданий, перенесенных за последнюю четверть века рабочим классом и его защитниками! Сколько ужасающих подробностей неизвестных публике, - подробностей, которые бы преследовали бы вас как кошмар, если бы стал рассказывать их сегодня! Какой взрыв негодования произвела бы каждая страница такого мартиролога современных провозвестников великой социальной революции! Но ведь эта книга пережита нами: каждый из нас пробежал ее по крайней мере несколько страниц, полных крови и ужасающих мук...

И вот, имея перед собой эту массу горя, эти казни, эти ссылки в Гвиану, в Сибирь, в Нумею, люди еще смеют ставить в упрек восставшему рабочему его неуважение к человеческой жизни!

Между тем, все в нашей теперешней жизни стремится заглушить уважение к жизни человека. Судья, отдающий приказание повесить или голову отрубить, его заместитель - палач, задушивающий людей среди белого дня в Мадриде, или гильотинирующий их в утреннем тумане Парижа при смехе собравшихся подонков общества; генерал, совершающий избиения в Тонкине или Туркмении, и газетный корреспондент, старающийся покрыть славой убийц; хозяин, отравляющий своих рабочих свинцовыми белилами потому, что, по его словам, "замена их цинковыми белилами на столько-то копеек дороже"; английский якобы генерал Стэнли, убивающий старуху для того, чтобы она не разбудила своими криками негритянскую деревню; немецкий географ, вешающий "за неверность" негритянскую девушку, которую он взял себе в сожительницы; военный суд, ограничивающийся двумя неделями ареста, когда идет дело о тюремщике из Бириби, уличенном в убийстве...все, все, решительно все в современном обществе учит полному презрению к человеческой жизни - как к товару, который так дешево стоит на рынке! И те, кто казнит, убивает, истребляет этот дешевый человеческий материал, кто возводит в религиозный догмат правило, что для общественного спасения надо вешать, расстреливать, убивать, еще смеют жаловаться на недостаточное уважение к человеческой жизни со стороны революционеров...

Нет, до тех пор, пока общество будет следовать закону кровавой мести, пока вера и закон, казарма и суд, тюрьма и фабричная каторга, печать и школа будут продолжать учить полному презрению к человеческой жизни - до тех пор не требуйте уважения к ней со стороны тех, кто восстает против этого общества! Это значило бы требовать от них доброты и великодушия, которых нет теперь в обществе. Если вы хотите вместе с нами полного уважения к свободе, а следовательно и к жизни личности, вы неизбежно должны отвергнуть всякое управление человека человеком, в какой форме бы оно ни проявлялось: вы должны принять начала анархизма, которые вы до сих пор презирали. А принявши их, вы должны будете стремиться вместе с нами к отысканию таких общественных форм, которые лучше всего соответствали бы этому идеалу и положили конец всем возмущавшим вас актам насилия.

---

*Как теперь пришлось бы удлиннить этот список бойнями англичан в Африке, русских в Манчжурии и т.д!

**Исправительные военные батальоны Франции в Алжире, где происходят такие неслыханные зверства, которые и николаевским палачам не снились. В Гвиане (официальные источники) одна треть ссыльных умирает каждый год! Туда и ссылают анархистов.

***Наконец, здесь же следовало бы упомянуть про пытки анархистов в крепости Монжюин в Испании. Мы не верили сперва возможности этих зверств: трехдневное сечение, каски с винтами, надевающимися на голову, выдергивание ногтей...Но пришлось сдаться перед очевидностью фактов и докторских свидетельств, которые после того, как анархисты убили первого министра Коноваса и после постоянных угроз королеве, она вмешалась наконец, а затем поднялось и общественное мнение и некоторые из пытанных были выпущены. Теперь все они, приговоренные после пыток к пожизненной каторге, выпущены на волю. Некоторые из пытанных с нами в Лондоне.

В.В. СТРЕЛКОВСКИЙ

О СОВРЕМЕННОМ АНАРХИЗМЕ В СССР

Анархисты, принадлежащие к разным течениям, фракциям, направлениям, объединены сегодня в единую всесоюзную организацию - Конфедерацию анархистов-синдикалистов, которая имеет свою Программу-

максимум, Программу-минимум, Резолюцию о тактике, Пакт о ненасилии и Оргдоговор. Однако, не все анархисты вошли в КАС. Не вошли, например, анархо-большевики г.Запорожья, анархисты-коммунисты г.Москвы, анархо-коммунары юга Украины и др. Эти организации действуют параллельно и самостоятельно,но все же в тесном контакте с КАС.

Конфедерация анархистов-синдикалистов это не партия и не профсоюз, а классово-трудовая организация пролетариата и интеллигенции, направленная на революционное уничтожение системы "наемный труд - госкапитал" и ее главного оплота - тоталитарного партократического государства и установления народного самоуправления...

Анархисты считают, что между периодом полного уничтожения государственного капитализма в СССР и периодом полной победы полного народного самоуправления (анархии) лежит переходный период революционной панархии (всенародная демократия вместо диктатуры какой-либо партии) и экономика этого переходного периода не может быть ничем иным, кроме как безгосударственным рыночным социализмом. самоуправляющимся через беспартийные свободно избранные Советы делегатов трудящихся и Советы трудовых коллективов, построенных на принципе децентрализма (отсутствие иерархии организаций и должностей),конфедерализма (независимости местных Советов и СТК друг от друга и независимости провинциальных Советов и СТК от столичных), императивного делегирования (наказов избирателей, от которых делегат не имеет права отступить) при самом широком политическом профсоюзном, религиозном плюрализме и при полной свободе слова, печати, собраний, митингов и демонстраций.

Мы, анархисты, считаем, что разрешение антагонистических и других противоречий между наемным трудом и госкапиталом, т.е. между общественным характером производства и сословным характером присвоения материальных и духовных благ (спецснабжение, спецобслуживание, льготы и т.п.)может быть радикально осуществлено не путем робких половинчатых реформ сверху, проводимых красной бюрократией во имя спасения своего тоталитарного господства над всеми трудящимися классами, а путем новой социальной революции снизу и только снизу.

Мы, анархисты, считаем, что эта социальная революция, проводимая снизу совокупным пролетариатом (рабочими промышленности и сельского хозяйства, служащими, технической и творческой интеллигенцией) против класса экс-рабоче-крестьянской бюрократии и ее партийно-государственной и профсоюзной олигархии, может протекать как мирным путем через парламентскую борьбу, так и вооруженным - через непосредственное воздействие пролетариата на "социалистическую" буржуазию.

Будучи противниками всякого насилия одних людей над другими людьми по любым мотивам и целям , мы отказываемся от политического, фабричного и аграрного террора, как способа разрешения противоречий в обществе и добиваемся реализации нашей программы парламентской борьбой, внепарламентской оппозицией, пропагандой действием и политической агитацией и пропагандой в массах. (   )

Мы, анархисты, считаем, что настоящая свобода и равенство это: капитал, земля, труд, управление и информация для всех! Так мы понимаем социальный вопрос и поднимаем свое Черное знамя анархии во имя СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА, БРАТСТВА! Мы не опустим этого знамени до тех пор, пока на всей Земле не воцарится полное самоуправление народа - анархия!

Для наиболее быстрого достижения поставленных целей анархистов считает необходимым поддерживать демократические требования революционной демократии и иной оппозиции, но отвергает всякий союз с правыми группировками типа НПФ "Память", "Культурное Возрождение", "Христианско-Демократический Союз", Объединенный Фронт трудящихся (ОФТ) и т.д. Мы всегда будем противодействовать тем, кто под видом мнимой демократии и рыночного социализма желает поделить государственную кормушку с КПСС или отнять ее у КПСС для себя, чтобы своим государством установить новое рабство.

Мы, анархисты, считаем, что народы новой единой и неделимой марксистской империи, обличенной в форму унитарной федерации, могут быть только тогда свободны и счастливы, когда они, организуясь снизу без всякого вмешательства, опеки и насилия с какой-либо стороны сами создадут свою новую жизнь. Первым их делом на этом сложном и опасном пути должно стать упразднение государства-капиталиста, эксплуатирующего наемный труд рабочих и рядовых служащих. Только упразднив государство и передав его собственность трудовым коллективам и населению городов и районов, народы России получат реальную возможность беспрепятственного развития производительных сил.

Только тогда, когда революционные рабочие,крестьяне, служащие, интеллигенты упразднят государство и государственное право, социальные революции перестанут носить политический характер и заканчиваться кровавой гражданской войной, а вслед за тем термидором и культом вождя с массовыми репрессиями Они будут носить сугубо мирный и культурный характер, ибо производственные отношения, не охраняемые аппаратом насилия, а регулируемые самими трудящимися, не будут тормозить это развитие, а идти параллельно ему, порождая неантагонистические противоречия. Упразднение государства и его законов, по нашему мнению, обеспечит переход от кровавых политических революций к мирным и бескровным культурным революциям, способствующим дальнейшему развитию общества в направлении экономического и научно-культурного прогресса.

Товарищи рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенция! Помните: никакое государство, никакие политические партии не подарят вам свободы сверху - они вас хотят только эксплуатировать! Овладевайте Советами трудовых коллективов и Советами народных депутатов, отстраняйте от управления всеми делами общества государственную администрацию, берите в свои руки управление производством и обществом, экспроприируйте государственный капитал и упраздняйте (распускайте) государство с его карательными и якобы исправительными органами! Помните: свобода не испрашивается, а берется! Помните: освобождение трудящихся - дело самих трудящихся!

М. ДЖИЛАС

НОВЫЙ КЛАСС

I.

Как в Советском Союзе, так и в других коммунистических странах, всё вышло совершенно иначе, чем того ждали партийные вожди, даже такие выдающиеся, как Ленин, Сталин, Троцкий или Бухарин. Они ожидали, что государство станет отмирать, а демократия крепнуть. Произошло обратное. Они ожидали быстрого повышения жизненного уровня, но ничего подобного не произошло, а в подъяремных странах Восточной Европы жизненный уровень не поднялся пропорционально темпу индустриализации. Предполагалось, что разница между городом и деревней, между оплатой умственного и физического труда постепенно исчезнет; на самом деле эта разница увеличилась. В других областях предсказания коммунистов - например, насчет развития некоммунистических стран - тоже не сбылись.

Самой большой иллюзией было предположение, что уничтожение капиталистической собственности, коллективизация и индустриализация в Советском Союзе приведут к бесклассовому обществу. В 1936 году, когда была обнародована новая советская конституция, Сталин заявил, что "класс эксплуататоров" перестал существовать.

И в самом деле, класс капиталистов и другие прежние классы были уничтожены. Зато был создан новый класс, которого история до сих пор не знала.

Вполне понятно, что этот класс, - как это было и с прежними классами, - верил, что его приход к власти принесет человечеству счастье и свободу. Разница между этим классом и другими заключается в том, что он совершенно не задумывался над тем, что собственно могла означать задержка в осуществлении его иллюзий. Он сразу же добился власти гораздо более абсолютной, чем власть какого-либо другого класса в истории, а пропорционально этому, классовых иллюзий и предубеждений у него также оказалось значительно больше.

Этот новый класс, бюрократия, или точнее выражаясь, ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ, обладает всеми характерными чертами прежних классов; но есть у него и новые, одному ему принадлежащие черты. Происхождение его тоже не совсем обычное, хотя в основном и похоже на начало других классов.

Другие классы точно так же достигали могущества и власти революционным способом, разрушая политический и социальный строй, стоявший у них на пути. Однако эти классы почти всегда приходили к власти уже после того, как в старом обществе возникали новые хозяйственные отношения. С новым классом в коммунистических странах дело шло в обратном порядке. Новый класс пришел к власти не для того, чтобы закончить создание нового хозяйственного строя, а для того чтобы установить свой собственный, нужный ему строй и подчинить своей власти всё общество в целом.

В прежние времена приход к власти какого-либо класса, части класса или партии был последним звеном в образовании развитии этого класса. В Советском Союзе произошло обратное. Новый класс формировался окончательно лишь после того, как он пришел к власти. Его классовое сознание должно было развиться раньше, чем его хозяйственная и вообще реальная его сила, так как он не имел корней в жизни своего народа. Класс этот определял свою роль по отношению ко всему остальному миру с чисто идейной, отвлеченной точки зрения. Практических возможностей его это, однако, не уменьшало. Дело в том, что несмотря на все свои иллюзии, он был всё же и выразителем объективной тенденции к индустриализации.

Практическая направленность его действий с этой именно тенденцией и была связана. Обещания идеального общественного строя подкрепляли веру в рядах его представителей и сеяли иллюзию в народных массах, воодушевляя их на огромные физические усилия.

Поскольку новый класс не образовался в лоне хозяйственной и общественной жизни народа до своего прихода к власти, он мог возникнуть лишь в виде организации особого типа, отличающейся особой дисциплиной и основанной на обязательном для всех её членов единстве взглядов и убеждений. Строгое идеологическое единство и железная дисциплина были необходимы, чтобы преодолеть его слабость.

Ядром нового класса стала особая партия, партия большевиков. Ленин был прав, когда говорил, что его партия была исключением в истории человеческого общества, хотя, говоря это, он и не подозревал, что она положит начало новому классу.

Впрочем, родоначальников нового класса следует искать не столько в партии, например, большевистской партии, взятой в целом, сколько в той группе профессиональных революционеров, которые составляли её ядро ещё до того, как она пришла к власти. Недаром после поражения революции 1905 года Ленин утверждал, что только революционеры-профессионалы, люди, единственной профессией которых была революционная работа, способны построить большевистскую партию нового типа. И ещё более показательно, что Сталин, будущий создатель нового класса, был как раз типичным образчиком этих революционеров-профессионалов. Из этого-то - очень узкого - слоя революционеров постепенно и развился новый правящий класс. Долгое время они продолжали составлять его ядро. Троцкий отмечал в свое время, что революционеры-профессионалы дореволюционного периода положили начало будущей сталинской бюрократии. Но и он не понял, что они тем самым положили начало новому классу собственников и эксплуататоров.

Это не значит, что новая партия и новый класс - одно и то же. Но партия всё же ядро этого класса и его основа. Трудно, а то и невозможно, определить границы нового класса и указать точно, кто его члены. В общем, однако, можно сказать, что к новому классу принадлежат все те, кто пользуется особыми привилегиями и хозяйственными преимуществами в силу

своей классовой монополии по управлению государством.

Паразитизм сочетается тут с выполнением необходимых административных функций, причем не каждый член партии может рассматриваться, как представитель нового класса, подобно тому, как не каждый ремесленние или представитель среднего класса был представителем буржуазии.

В общем, можно сказать, что по мере того, как новый класс становится сильней и приобретает более определенный облик, роль партии, как таковой, ослабевает. Ядро и основа партии создаются в партии и особенно на партийной верхушке, но они создаются также в государственных органах, в аппарате управления страной. Некогда живая, сплоченная, полная инициативы партия исчезает и превращается в самую обыкновенную олигархию нового класса, неудержимо притягивающую в свои ряды тех, кто стремится примкнуть к новому классу, и отталкивающую всех, у кого есть какие-то идеалы.

Сначала партия создает класс, но затем класс начинает расти и пользуется партией лишь как фундаментом. Класс становится всё сильнее, а партия слабее. Такова неизбежная судьба каждой коммунистической партии, пришедшей к власти.

Если бы партия не была материально заинтересована в производстве или если бы она не заключала в себе того, что требовалось для создания нового класса, она не могла бы действовать безрассудно с идеологической и моральной точки зрения и не могла бы, действуя так, надолго удержаться у власти. После окончания первой пятилетки Сталин сказал: "Если бы мы не создали партийного аппарата, мы потерпели бы неудачу". Ему следовало сказать: "Если бы мы не создали нового класса"; тогда всё было бы ясно.

На первый взгляд, утверждение, что политическая партия положила начало какому-то новому классу, кажется странным. Обычно партии являются продуктом классов или слоев общества, достигших духовного и хозяйственного могущества. Но анализ фактического положения вещей в дореволюционной России и в других странах, где коммунизм одержал победу над другими национальными силами, показывает, что возникновение партий такого рода - результат особо благоприятных условий, а не случайность. Несмотря на то, что корни большевизма далеко заходят в прошлое России, партия всё же в некоторой мере обязана своим возникновением той особой международной обстановке, в которой Россия оказалась в конце 19-го и в начале 20-го столетия. Оставаясь абсолютной монархией, Россия не могла бы существовать в современном мире, а русский капитализм был слишком слаб и слишком зависел от интересов иностранных держав, чтобы своими силами провести промышленную революцию. Индустриализация страны могла быть совершена только новым классом и путем перемены общественного строя. Но класса этого еще не было налицо.

Для истории не имеет значения, кто именно осуществит назревшую в ней перемену; важно одно: чтобы она была осуществлена. Таково как раз и было положение в России и в других странах, где произошла коммунистическая революция. Революция сама создала силы, идеи, организации и вождей, которые ей были необходимы. Появление нового класса объясняется объективными причинами и лишь во вторую очередь волей, действием и уменьем её вождей.

2.

Социальные корни нового класса нужно искать в пролетариате, подобно тому, как аристократия возникла из крестьянского общества, а буржуазия - из общества торговцев и ремесленников. В зависимости от национальных особенностей возможны исключения, но в экономически мало развитых странах отсталый пролетариат именно и представляет собой тот сырой материал, из которого возникает новый класс.

Есть и другие причины, по которым новый класс антикапиталистичен, следовательно он должен опираться на трудящиеся массы. Новый класс находит опору в борьбе пролетариата и в его традиционной вере в социалистическое или коммунистическое общество, где не будет грубой эксплуатации. Кроме того, для нового класса очень важно обеспечить нормальный ход производства, а раз так, то он не может терять свою связь с пролетариатом. Но всего важней для него тот факт, что без помощи рабочего класса он не может провести индустриализацию и не может укрепить свою власть. С другой стороны, рабочий класс видит в усиленном развитии промышленности спасение от нищеты и отчаяния. В течение долгого периода времени интересы, идеи, убеждения и надежды нового класса и части рабочего класса, а также крестьян - бедняков, совпадают и объединяются. Такого рода единение между совершенно различными классами наблюдалось и прежде. Ведь представляла же буржуазия интересы крестьянства в борьбе против феодальных властителей.

Продвижение нового класса к власти является результатов усилий пролетариата и бедняков -крестьян Они представляют собой те массы, на которые партия, то есть новый класс, должна опираться и с которыми её интересы больше всего совпадают. Но это верно лишь до тех пор, пока новый класс не установит окончательно своей власти и могущества. После этого новый класс интересуется пролетариатом и крестьянской беднотой лишь постольку, поскольку он нуждается в них для развития производства и для того, чтобы держать в подчинении наиболее агрессивные и непокорные социальные силы.

Монополия, которую новый класс захватывает таким образом, во имя трудящихся, над всем обществом, это, прежде всего монополия власти над самими этими трудящимися. Прежде всего это монополия в области мысли над так называемым авангардом пролетариата, а затем и над всем пролетариатом. Это наибольший обман из всех, которые новому классу предстоит совершать, и это вместе с тем показатель того, что мощь и интересы нового класса связаны в первую очередь с промышленностью. Без промышленности новый класс не может укрепить своего положения и своей власти.

Люди, вышедшие из рабочего класса, входят в новый класс, как самые убежденные и твердые его представители. История учит нас, что и в прежние времена

наиболее умные и способные рабы переходили в ряды правящего меньшинства. Точно так же и теперь новый правящий и эксплуатирующий класс возник из эксплуатируемого класса.

3.

Когда критикуют коммунистический строй, его основную черту видят, обычно, в том, что народом правит бюрократия, организованная наподобие особого общественного строя. Это, в общем, верно. Однако более тщательный анализ показывает, что лишь особый слой внутри самой бюрократии, состоящий из людей, не занятых непосредственно административной работой, составляет ядро ПРАВЯЩЕЙ бюрократии или того, что я называю новым классом. Это и есть партийная или политическая бюрократия, тогда как другие бюрократы - всего лишь аппарат, подчиненный новому классу. Аппарат этот громоздок и медлителен, но без такого аппарата не может обойтись никакое социалистическое общество.

Социолог, таким образом, может провести различие между разными категориями бюрократов; на практике, однако, это различие исчезает. И объясняется это не только тем, что коммунистический строй бюрократичен по своей природе, но и тем, что коммунистам приходится выполнять самые разнообразные бюрократические функции. Кроме того, высшие политические бюрократы не могли бы пользоваться своими привилегиями, если бы не бросали крох со своего стола другим категориям бюрократов.

Важно отметить основную разницу между политической бюрократией такого рода и бюрократией, которая появляется повсюду, в результате централизации современной экономики, особенно если централизация эта ведет к коллективным формам собственности, таким как монополии, акционерные общества и государственная собственность. Хорошо известно, что численность административного персонала в капиталистических монополиях и в национализированной промышленности Запада всё время возрастает. Однако, если между этими администраторами и коммунистическими бюрократами есть много общего, особенно в отношении групповой солидарности, полного тождества между ними всё же нет. Государственные служащие и другие бюрократы и в некоммунистических странах образуют особый общественный строй. Но у них нет той власти над обществом, которая есть у коммунистов.

В некоммунистических странах бюрократами правят люди, обличенные политической властью и обычно избираемые народом, или же они подчиняются владельцам предприятий, а коммунистами никто не правит и никакого хозяина над ними нет. В некоммунистических странах бюрократы это чиновники или служащие в современном капиталистическом хозяйстве. Коммунисты - нечто совсем иное и новое; они - новый класс.

Как и для всех собственнических классов, доказательство того, что это действительно особый класс, следует искать как раз в этом его собственничестве, а также в его отношениях с другими классами. Точно так же, чтобы определить к какому классу относится тот или другой человек, следует выяснить, какие материальные и другие преимущества приносит ему собственность.

По римскому праву, собственность представляет собой сочетание прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Коммунистическая политическая бюрократия владеет, пользуется и распоряжается национализированной собственностью.

Если признать, что принадлежность к этой бюрократии или, что-то же, к новому собственническому классу определяется пользованием привилегиями, связанными с собственностью, а в данном случае с собственностью национализированного имущества, то следует отметить, что принадлежность к новому партийному классу или к политической бюрократии дает больше материальных благ и привилегий, чем это полагалось бы при более нормальной структуре общества. На практике эти собственнические привилении нового класса проявляются в исключительном праве политической бюрократии распределять, на основании принадлежащей ей партийной монополии, народный доход, устанавливать заработную плату, направлять экономическое развитие страны и распоряжаться национализированным и другим имуществом. Таким, собственно, и представляется положение рядовому гражданину, считающему коммунистических бюрократов богатыми людьми, Людьми, которым нет надобности работать.

По многим причинам, сохранение частной собственности было найдено неблагоприятным для утверждения власти нового класса. Кроме того, уничтожение частной собственности было необходимо для радикального экономического преобразования страны. Новый класс утверждает свою власть, привилегии, идеологию и обычаи на основе особой формы собственности, собственности коллективной, которой этот класс распоряжается от имени общества и народа.

С точки зрения нового класса, собственность проистекает из определенных производственных отношений. Но на деле они сводятся к отношениям между монополистами администрации, образующими узкий и замкнутый социальный слой, и массой производителей - крестьян, рабочих и интеллигенции, - лишенных каких бы то ни было прав. Но это ещё не всё, принимая особенно во внимание, что коммунистическая бюрократия пользуется полной монополией контроля и в области распределения материальных благ.

Всякое значительное изменение отношений между теми, кто монополизирует в своих руках администрирование, и теми, кто фактически работает, неизбежно отражается на режиме собственности. Социальный и политический строй, монополия власти и монополия собственности в коммунистической системе гораздо неразрывней связаны между собой, чем в какой угодно другой системе.

Лишить коммунистов их права собственности значило бы уничтожить их как класс. Заставить их отказаться от этой их привилегии ради того, чтобы рабочие могли участвовать в прибылях, приносимых из трудом, как они это делают, в результате стачек и социального законодательства, в капиталистических странах, значило бы лишить коммунистов их монополии, распространяющейся как на собственность, так и на идеологию и государственную власть. Это было бы началом демократии и свободы в коммунизме и означало бы конец коммунистической монополии и тоталитарного режима. Пока этого нет. нет и признаков того, что в

коммунистических странах происходят существенные, решающие перемены. Так, по крайней мере, должны думать люди, принимающие социальный прогресс всерьез.

Собственническая монополия нового класса, как и сама принадлежность к этому классу, могут рассматриваться, как привилегии, присущие администрированию. Администрирование это простирается от управления государством и промышленностью до надзора за всеми видами общественной и культурной деятельности. Политическое, партийное и так называемое "общее руководство" осуществляется ядром нового класса. С этим-то руководящим положением и связаны привилегии. В своей работе "Сталин у власти", вышедшей в Париже в I95I году, Орлов утверждает, что средняя заработная плата светского рабочего составляла в I935 году I800 рублей в год, в то время как жалованье (с различными прибавками) секретаря райкома составляла 45000 рублей в год. С тех пор ставки изменились и для рабочих и для партийных чиновников, но соотношение их осталось прежним. Другие авторы приходили к этим же выводам. Разница между оплатой рабочих и партийных работников огромна, этого не удавалось скрыть от иностранцев, посещавших Советский Союз и другие коммунистические страны за последние годы.

Никакой государственный строй не может обойтись без профессиональных политических деятелей, как бы мы о них ни судили. Общество не может существовать без государства и правительства, а поэтому и без тех, кто образует правительство и служит государству. Однако между профессиональными политиками в коммунистических и других странах есть большое различие. В отдельных случаях политически люди повсюду пользуются своими связями с правительством, чтобы получить привилении для себя и своих сторонников, или, чтобы оказать покровительство экономическим интересам того или другого общественного слоя. Но в коммунистических странах положение совсем иное: там участие в правительственной власти равнозначно владению, пользованию и распоряжению почти всем народным имуществом. Те, кто захватывают власть, захватывают привилегии, а значит косвенным образом, захватывают собственность. Вследствии этого при коммунизме стремление к власти или к политике, как профессии, характерно для всех тех, кто хочет вести паразитическую жизнь за счет чужого труда.

До революции быть членом коммунистической партии значило быть готовым на большие жертвы. Считаться революционером-профессионалом была очень большая честь. Теперь, когда партия укрепилась в своей власти, быть её членом значит принадлежать к привилегированному классу. И ядро этой партии составляют всемогущие эксплуататоры.

Долгое время коммунистическая революция и коммунистический строй скрывали свою настоящую природу. Появление нового класса затушевывалось социалистической фразеологией, и, что ещё важней, новой, коллективной формой собственности. То так называемая социалистическая собственность - не более, чем маска, под которой скрывается собственничество политической бюрократии. Вначале, кроме того, политическая бюрократия спешила провести индустриализацию и скрывала свою классовую сущность ещё и под этим покровом.

4.

В развитии современного коммунизма и в возникновении нового класса явно сказался характер тех, кто это развитие вдохновлял или играл в нем значительную роль.

Вожди и их методы - от Маркса до Хрущёва - менялись не раз. Марксу никогда не приходило в голову мешать другим высказывать свои мысли. Ленин допускал в своей партии свободную дискуссию и не считал, что партийные органы, или еще того менее, глава партии, должны регулировать высказывание каких-либо мыслей, будь то мысли "правильные" или "неправильные". Сталин уничтожил все внутрипартийные дискуссии и предоставил право определять идеологическую линию исключительно центральному партийному органу, т.е. на деле самому себе. В других коммунистических движениях было не так. Международный союз рабочих, основанный Марксом (так называемый Первый Интернационал), не был марксистским по своей идеологии. Это был союз различных групп, который принимал только те резолюции, по которым все его члены достигали согласия.

Ленинская партия была авангардной группой, сочетавшей революционную мораль и идеологическую монолитность с некоторой мерой демократичности. При Сталине эта партия стала массой мало интересовавшихся идеологией людей; все свои идеи они получали сверху, но были ревностны и единодушны в защите системы, гарантировавшей им не подлежавшие сомнениям привилегии. Маркс никакой партии так и не создал. Ленин уничтожил все партии, кроме своей, - в том числе и социалистическую партию. Сталин даже и большевистскую партию отодвинул на второй план, превратив её ядро в ядро нового класса, а всю партию в целом в безличную и бесцветную массу привилегированных людей.

Маркс создал стройную теорию классов и классовой борьбы, хоть и не он впервые заговорил о классах. Ленин склонен был скорее делить людей на группы, придерживающиеся одинаковых взглядов, чем на классы. Сталин рассматривал всех людей либо как покорных подданных, либо как врагов. Маркс умер в Лондоне бедным эмигрантом, но его уважали ученые и его высоко ценили в социалистическом движении. Ленин умер, будучи вождем одной из величайших революций, но умер, как диктатор, вокруг которого уже начинал образовываться культ. Сталин умер лишь после того, как сам себя обожествил.

Эти личные различия только отражают те перемены, которые происходили в самом движении и меняли его сущность.

Хотя Ленин и не сознавал этого, но он положил начало новому классу. Он организовал партию по большевистским принципам и развил теорию об исключительной и руководящей роли партии в строительстве нового общества. Это только одна сторона его многосторонней и гигантской деятельности, та, что соответствует самим его действиям скорей, чем его желаниям. И как раз за эти его действия новый класс и почитает Ленина.

Подлинным и непосредственным основателем нового класса был, однако, Сталин. Это был человек, не расположенный к долгому раздумью и склонный к

грубому юмору; он не был особенно образован, не был хорошим оратором. Зато он был неутомимым доктринером и отличным администратором. Этот грузин лучше, чем кто-нибудь другой, видел, куда именно вели Россию новые силы. Он создал новый класс самыми варварскими способами, не щадя даже и самого этого класса. Новый класс, поставивший его над собой, неизбежно должен был подчиниться этому неотесанному и ни перед чем не останавливающемуся человеку. Сталин был настоящим вождем нового класса и в то время, когда класс образовывался и укреплял свою власть.

Новый класс родился в лоне коммунистической партии во время революционной борьбы, но развился во время промышленной революции. Без революции, без индустриализации положение нового класса было бы непрочным, и власть его была бы ограничена.

Пока страна индустриализировалась, Сталин начал вводить значительные различия в заработной плате, поощряя в то же время рост различных привилегий. Он считал, что индустриализация не удастся, если новый класс не будет материально, то есть собственнически в ней заинтересован. Без индустриализации новому классу было бы трудно удержать свои позиции, так как у него не было для этого ни исторического оправдания, ни твердой материальной базы.

С этим был тесно связан рост численности партии, или, что то же, бюрократии. В 1927 году, накануне индустриализации, коммунистическая партия Советского Союза насчитывала 887233 члена. В 1934 году, в конце первой пятилетки, численность её увеличилась до 1874488 человек. Это было явно связано с индустриализацией; перспективы для нового класса и привилегии для его членов развивались одновременно. Больше того, новый класс и привилегии его развивались быстрее, чем сама индустриализация. Статистические данные по этому вопросу привести трудно, но вывод сам собой ясен, если принять во внимание, что жизненный уровень не повышался соответственно промышленной продукции и что новый класс фактически брал себе львиную долю хозяйственных и всех вообще достижений, которыми он был обязан труду и самопожертвованию народных масс.

Образование нового класса шло не без борьбы. Он встречал ожесточенное сопротивление как со стороны прежних классов, так и со стороны тех революционеров, которые не могли примирить свои идеалы с тем, что происходило в действительности. В Советском Союзе эта оппозиция со стороны революционеров ярче всего проявилась в конфликте между Троцким и Сталиным. Этот конфликт между партийными оппозиционерами и Сталиным точно так же, как конфликт между режимом и крестьянством, все обострялся по мере того, как продвигалась индустриализация и как возрастали власть и могущество нового класса.

Троцкий был превосходным оратором, блестящим, искусным в полемике писателем: он был образован, у него был острый ум: ему не хватало только одного: чувства действительности. Он хотел остаться революционером и возродить революционную партию в то самое время, как она превращалась во что-то совершенно иное – в новый класс, не заботившийся о высоких идеалах и интересовавшийся только жизненными благами. Он ждал действий от масс, утомленных войной и голодом, в то время, когда новый класс уже крепко держал власть в своих руках и начинал чувствовать всю сладость выпавших на его долю привилегий. Троцкий зажигал фейерверки, огонь которых сиял далеко вокруг; но он был не в силах снова разжечь в усталых сердцах революционное пламя. Он ясно сознавал отрицательные стороны этого нового явления, происходившего на его глазах, но всего значения этих процессов он не понял. Кроме того, Троцкий никогда не был большевиком. В этом была его слабость и его сила. Осуждая партийную бюрократию во имя революции, Троцкий осуждал культ партии и, сам того не сознавая, осуждал новый класс.

Сталин не оглядывался назад, но и не смотрел далеко вперед. Он стал во главе новой власти, которая зарождалась в то время – власти нового класса, политической бюрократии и бюрократизма – и сделался её вождём и организатором. Он не проповедовал; он принимал решения. Как и его предшественники, он обещал блестящее будущее, но такое будущее, которое бюрократия могла считать осуществимым, потому что для неё жизненные условия улучшались с каждым днём и её положение всё время укреплялись. Сталин говорил бесцветно и без огня, но его реалистический язык был более понятен новому классу. Троцкий хотел распространить революцию на всю Европу; Сталин был не против этой идеи, но рискованные планы такого рода не мешали ему думать о том, что называлось прежде матушкой Россией и, в особенности, о способах укрепления нового строя и об увеличении мощи и престижа советского государства. Троцкий был представителем революционного прошлого, Сталин – человеком сегодняшнего дня, а в силу этого и человеком будущего.

В победе Сталина Троцкий видел термидорианскую реакцию против революциии, а именно, бюрократическое искажение дела революции и советского строя. Таким образом, он понимал всю аморальность сталинских методов и глубоко оскорблялся ими. Он был первым, кто сам того не зная, в попытке спасти коммунистическое движение, обнаружил сущность современного коммунизма. Но он не был способен додумать эти мысли до конца. Ему казалось, что было налицо лишь временное возвышение бюрократии, временное искажение революции, и он пришел к выводу, что выход будет найден в перемене наверху, в "дворцовом перевороте". Но когда, после смерти Сталина, дворцовый переворот и в самом деле произошел, стало ясно, что сущность коммунизма от этого не изменилась. Дело было в чем-то более глубоком и постоянном. Советский Термидор Сталина привел не только к установлению правительства, еще более деспотического, чем прежнее, но и к образованию нового класса. Это было продолжением обратной стороны медали, разгула революции, которая породила и привела к власти новый класс.

Сталин имел такое же, если не большее, право, чем Троцкий, ссылаться на Ленина и революцию, потому что Сталин был, хотя и злонамеренным, но подлинным наследником Ленина и революции.

История не знает второй такой личности, как Ленин, который, благодаря своей настойчивости и гибкости, пустил в ход одну из величайших революций,

известных человечеству. Не знает история и другой такой личности, как Сталин, который взял на себя гигантскую задачу укрепить, в отношении власти и собственности, новый класс, возникший в результате одной из величайших революций в одной из самых обширных стран мира.

Позади Ленина, который весь был мысль и страсть, стоит мрачная фигура Иосифа Сталина – символ трудного, жестокого, ни перед чем не останавливающегося восхождения нового класса к его нынешнему полновластию.

После Ленина и Сталина пришло то, что должно было прийти: посредственность в образе коллективного руководства. Пришел также простоватый на вид, добродушный интеллигент, "человек из народа" – Никита Хрущёв. Новому классу более не нужны революционеры или теоретики; он довольствуется людьми обыкновенными, такими как Хрущёв, Маленков, Булганин или Шепилов, каждое слово которых отражает мышление среднего обывателя.

Новый класс устал от догматических чисток и уроков политической грамоты. Он хочет жить спокойно. Достаточно укрепившись, этот класс ищет защиты даже от своего собственного, или же уполномоченного вождя. С его точки зрения. Сталин был хорош, когда он сам, этот класс, был ещё слаб, когда жестокие методы были необходимы даже против тех, кто в рядах самого нового класса проявлял склонность к каким-либо уклонам. Но теперь это стало ненужным. Не отказываясь ни от чего, что было создано под руководством Сталина, новый класс за последние несколько лет как-будто уже не подчиняется сталинскому авторитету, но на самом деле он не от авторитета Сталина отказывается, а только от сталинских методов, которые по словам Хрущёва, приносили вред "хорошим коммунистам".

Революционная эпоха Ленина сменилась эпохой Сталина, при которой власть и собственность, а также индустриализация были настолько укреплены, что для нового класса могла начаться желаемая им мирная и обеспеченная жизнь. Революционный коммунизм Ленина сменился догматическим коммунизмом Сталина, которому в свою очередь пришел на смену недогматический коммунизм так называемого коллективного руководства, то есть группы олигархов.

Таковы три фазы развития нового класса в Советском Союзе и русского коммунизма, да и, в общих чертах, всякого другого коммунизма.

На долю югославского коммунизма выпало соединить все три фазы в лице Тито и окрасить их присущими ему личными и национальными чертами. Тито – выдающийся революционер, но у него нет сталинской подозрительности и догматизма. Подобно Хрущёву, Тито – человек, вышедший "из народа", иначе говоря, из средних слоев партии. Весь путь, который прошел югославский коммунизм – совершая революцию, копируя сталинизм, затем отказываясь от сталинизма и пустившись в поиски собственного лица – весь этот путь выражен в личности самого Тито. Югославский коммунизм был более последователен, чем другие коммунистические партии, сохраняя сущность коммунизма, но в то же время не отказываясь видоизменять его по мере надобности.

Эти три фазы в развитии нового класса – Ленин, Сталин и "коллективное руководство" – ни по сущности, ни по идеям не отделены полностью одна от другой. При случае и Ленин склонялся к догматизму, и Сталин прибегал к революционным методам; точно так же и коллективное руководство прибегнет к тому или другому, если это будет нужно. Больше того, если догматизм и не свойствен самому коллективному руководству, то есть верхушке нового класса, то, по его мнению, весь народ должен ещё более упорно "воспитываться" в духе всё той же догмы, в духе марксизма-ленинизма. Тем не менее, не исключена возможность, что, укрепляя свою экономическую мощь, ослабляя догматическую суровость и исключительность, новый класс станет более гибким.

Героическая эра коммунизма прошла. Эпоха великих вождей кончилась. Настала эпоха практиков. Новый класс создан. Сейчас он в зените своей власти и благосостояния, но никаких новых идей у него нет. Ему нечего больше сказать народу. Единственное, что остается сделать этой власти, это – оправдать себя.

У В А Ж А Е М Ы Е   Ч И Т А Т Е Л И !

Наш журнал выходит благодаря вашим пожертвованиям!

Редакторская группа:

С. МАТРЕНОК   А.ЧЕРВЯКОВ

М. МЕЛЬНИКОВ

Пишите нам по адресу: I40I60,
Московская область, г.Жуковский,
ул. Мичурина, дом 9, квартира 4,
Мельникову Михаилу Евгеньевичу